

ЕЛЕНА КНЯЖИНА

ДИКАЯ
МАГИЯ
КУКЛА
ДЛЯ ПРОФЕССОРА

Дикая магия

Елена Княжина

**Дикая магия. Кукла
для профессора**

«Автор»

2022

Княжина Е.

Дикая магия. Кукла для профессора / Е. Княжина — «Автор»,
2022 — (Дикая магия)

Я Анна Дэлориан, дестинка, магический самородок с «черной» кровью. Я перестала быть своей в мире людей, но в сообщество первокровных магов-аристократов меня приглашать все еще не торопятся. Ко всем прочим радостям учебы в Санкт-Петербургской академии я узнала, что за мной ведется охота. Пока друзей беспокоят промежуточные экзамены и победа в финальном поединке, меня волнуют вопросы выживания. И порой кажется, что у черноглазого Мрачного Демона гораздо больше шансов извести «маленькую пигалицу», чем у таинственных недоброжелателей... Но почему так ноет сердце от одного его взгляда, наполненного запретным?

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Сломанный дар	7
Глава 2. Варварские методы	13
Глава 3. Заключение	21
Глава 4. Исповедь Демона	34
Глава 5. Чудеса маскировки	43
Глава 6. Гости из прошлого	49
Глава 7. Рождение легенды	57
Глава 8. Заповедник	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Елена Княжина

Дикая магия. Кукла для профессора

Пролог

(Дорогие читатели! «Кукла для профессора» – продолжение цикла «Дикая магия». Начинать знакомство с героями следует с первой части «Проклятье «Черного тюльпана»).

Вьюга восторженным псом облизывала осиновыя рощицы. Те топорщились далекими пышными сугробами на ровном заснеженном поле. Я поежилась в двадцатый раз за это утро. Сколько бы поленьев ни подбрасывали в камин, мне было до судороги холодно смотреть на зиму за окном.

Джен и Мелисса лепили снеговика, задорно хохотали и призывно махали руками, предлагая присоединиться. Но после километровой прогулки в заиндевевших туфельках идея выйти на мороз не казалась мне привлекательной. Вот совсем.

В первых числах января принято подводить итоги прошедшего года и строить планы на грядущий... Если бы у меня был дневник, я могла бы вписать в него много всего интересного.

«Меня зовут Анна Дэлориан, и я – дестинка, волшебница-самородок. В сентябре я переехала из «Эншантели» в новое учебное заведение – Санкт-Петербургскую академию волшебных искусств. Город встретил меня...»

Нет, это скучно. Любой заснет от такого чтива. Лучше сразу начать с горячего...

«За прошлый год я побывала на двух свадьбах. Причем на второй – в качестве подарка. Дважды я чуть не стала жертвой домогательств. Трижды меня пытались убить...»

Или больше? Я сбилась со счета.

«Похищение – одно. Обезволивание – одно. Попытка принуждения к...»

Нет, вспоминать про Кивана было выше моих сил. Круглое ухоженное лицо заняло место Тильды и в моих кошмарах, и на серебристой Пандоре. Мне всюду мерещился его гадкий, сладковато-мыльный запах, и даже драки с заговоренной боксерской грушей не приносили удовлетворения.

А еще...

«А еще я влюбилась в самого скверного парня во Вселенной. Мрачного Демона, жуткого монстра. Его боится вся Академия. Мои соседки по комнате бледнеют и падают в обморок от одной мысли о его прикосновении... Таким мучительно желанным для меня. В рождественском гадании на суженого мне выпал парень с короной. По всему выходило, что Принц. По факту же имеем чудовище».

Но и это еще не все... Главное, черным камнем висевшее на сердце, не спешило проявляться даже в мыслях.

«Я убила человека».

Да, так лучше... Надо быть честной с самой собой. Справедливости ради, стоило бы добавить, что вопрос стоял ребром: или она, или я.

Белинда наговорила много странных вещей, и я совру, если скажу, что ни разу о них не вспоминала. Но слова крестного приходили на ум гораздо чаще. «В твоих интересах, девочка, никому об этом не говорить. Пока кто-нибудь не подхватил брошенное Белиндой знамя инквизиции».

«Хоть и считается, что дестинам благоволит сама Судьба, но я – сущий магнит для неприятностей. Меня избрало жертвой Братство арканов, темных магов с грязными, неведомыми мне целями. Им нужна моя кровь... Всего лишь».

Я с тоской глянула на Джен за окном, раздумывая и счастливо копошащаяся в снегу. Находиться рядом со мной опасно. Я всерьез беспокоилась о ее благополучии. Из-за меня на больничной койке оказалась Элайза, милая и рациональная соседка Дженивьевы, – в те минуты, когда не пытается никого согреть «Иклерией». Да и Кивану Кавендишу я подписала смертный приговор... О чем почти не сожалела.

Были и другие жертвы игры, затеянной арканами. Лукреция, супруга нового главы братства, внезапно утонула в озере... На днях выяснилось, что она приходилась родной теткой Мелиссе, жене моего куратора. Перед «несчастливым случаем» выглядевшая безумной женщина успела поделиться со мной пророчеством. Слова впечатались в память так крепко, словно их выгравировал старательный ювелир.

«...Кап-кап... Мое время капает, как озерная вода. А ты... Ты должна слушать сердце. Тук-тук... Тук-тук... Иногда оно бьется неправильно...»

...Черные глаза... Очень черные... Ты должна им верить. Всегда. Даже когда сгустится мрак, и ты встанешь над темной водой, иди за черными глазами...

...Карты не соврнут, но они ошибутся. Два принца. В обоих кровь королей. Одного выберет она, другого выберешь ты. Борись. Отстаивай свой выбор... Потому что выживет только один. Озерная вода умеет хранить секреты... Меня призывает сияющая глубина. Но тебе туда еще рано...»

Два принца... Судьба снова издевается. Мне и на одного терпения не хватает!

Мой синий потертый блокнот распух от догадок и конспирологических теорий. Артур уверен, что родители умерли не случайно, и я с ним согласна. Кто-то хотел напугать меня и «всколыхнуть» дестинский дар.

Но магия выплеснулась лишь спустя полгода. Спровоцировала его Тильда, жестокая девица из интерната. Следующие шесть лет с маниакальной настойчивостью «консультанта года» она заявлялась в мои кошмары. Но не теперь... С незабвенной рождественской ночи ее место занял рыжий лорд-извращенец.

Оптимист, посетовав на судьбу, стал бы строить радужные планы на год грядущий. Что до меня... Не смешите мою палочку!

Мое зыбкое будущее боялось слова «планы», как живого инквизиторского огня. Да и что я могла там написать?

«Дожить до магического совершеннолетия?»

Будет непросто, но я постараюсь.

«Разобраться со спрятанной в подвале гигантской икринкой, из которой вот-вот «вылупится» неизвестное волшебное существо?»

Без проблем. Да и что может пойти не так?

«Победить в Финальном поединке, уложив на лопатки кого-то из преподавателей?»

Мой «игрушечный» жезл только что прыснул со смеху...

«Сдать итоговый экзамен по снадобьям?»

Объявляйте чрезвычайную ситуацию. Готовьтесь к нашествию зеленой слизи...

«Приручить самого мрачного мужчину в мире, занимавшего все мои мысли?»

А вот тут, боюсь, вообще без шансов.

Глава 1. Сломанный дар

Каждое воскресенье уютный Пункт Связи превращался в военный штаб. В дом вваливалась толпа суетливых, нервных незнакомцев. Даже воздух делался другим – тяжелым, гнетущим и словно задымленным. Напряжение, сконцентрированное в нем, ощущалось легкими, кожей, каждым нервом.

До этой поры я не представляла масштабов организации сопротивления, руководимой Артуром. Оказывается, ее филиалы имелись и во Франции, и в Индии, и в Румынии, и в Англии... Мой интриган-крестный седовласым пауком восседал в центре паутины, то и дело дергая за ниточки. Все ценные сведения стекались сюда. В нашу столовую.

Мне снова вспомнилась нафаршированная техникой пещера Арканов. Надо предложить Джулии хоть пару камер повесить... Для приличия. А то стыдно как-то перед злодеями засесть за кособоким столом.

Я тоже старалась быть полезной. Миротворцы, может, и не были посвящены в тайные мотивы Артура, но я-то знала, что все эти собрания – в интересах моей крови, головы и прочих конечностей.

Так что я занялась аптечкой. Забила ее до треска полок полезными снадобьями, составила подробные инструкции по применению... Увидев мой бесценный вклад, крестный одобрительно кивнул и... предложил заняться более полезным делом.

Ну вот, опять он за свое!

До важных собраний нас с Джен не допускали. Зато мне выделили официальную и, в некотором роде, «миротворческую» должность. Каждое воскресенье я должна была снабжать ароматным кофе всю эту гоп-компанию.

Рыжая бестия однажды пошутила, что мои бытовые сверхспособности рано или поздно будут востребованы. Убить мало эту горе-прорицательницу! Сварить в ароматной жиже и подать гостям...

У кого угодно возникнут кровожадные мысли, если ему придется молоть четвертую партию кофейных зерен в ручной доисторической мельнице. В турке получалось сварить лишь три порции. Так что едва я успевала осчастливить последнего заседающего, как первые требовали добавку.

Стоило ли сбегать из плена, чтобы тут же попасть в бытовое рабство?

К моменту, когда миротворцы, наконец, начали покидать столовую и сбрасывать в раковину пустые чашки, у меня крутило запястья и немели пальцы.

Нет, Судьба решительно надо мной издевается! Я, конечно, хочу выжить... Но не такой же ценой?

И, главное, разбежались все, будто так и надо. А посуду помыть? Нет, я сейчас пойду в столовую, выловлю зазевавшихся воинов и метлой погоню их к раковине. Будут знать! Аристократы, понимаете ли, первокровные...

С грязной чашкой наперевес я решительно подошла к столовой, да так и замерла. Там шел напряженный разговор полупшепотом, изредка переходящим в громоподобные вскрики. Карпов снова спорил с крестным. В последние дни между ними будто огромная дикая кошка пробежала. Не удивлюсь, если саблезубая.

– Это не может продолжаться вечно, Артур. Не заставляй людей чувствовать себя идиотами.

– Никто, кроме тебя, не жалуется. Так о каких людях речь?

– Эти твои интриги, тайны, недоговоры...

– Когда-нибудь ты посмотришь на все это с высоты опыта и прожитых лет. И поймешь, что иначе я поступить не мог.

– Кто Анна? – вон Демон и задал главный вопрос, который и мне самой ночами не давал покоя.

– Эта информация – слишком тяжелое бремя даже для меня. И я не хочу никого им отягощать. Ты не знаешь, что стоит на кону... И хорошо! – воодушевленно заверил Артур. – Это мое решение. И только я несу за него ответственность. Иногда знания опасны... Их нельзя доверять толпе.

– Зачем Белинда это сделала?

– Она заблудилась в доводах разума и вышла неверной тропой. Но некоторые... могут решить, что она была права.

– Думаешь, я оправдаю ее поступок, если буду знать чуть больше? – возмутился Демон, переходя на громовой тембр.

– Нет, Андрей, я боюсь...

Внезапно настала такая давящая тишина, что у меня от нее заложило уши. На секунду подумала, что беседующие накрылись «куполом глухоты». Но нет, оказалось, что просто напряженно замолчали. Оба.

– С каких пор я потерял твое доверие?! – оскорбленно разорвал затянувшуюся паузу Карпов.

– Наоборот, Андрей. Ты лучший из нас, – сдержанно шуршал голос крестного. – Лучший во всем сопротивлении. И не только как маг, но и как преданный делу воин. Ты знаешь, на что способны арканы и куда заводят эксперименты с темной материей...

– Так в чем же дело?

– Боюсь, узнав тайну Анны, ты захочешь повторить подвиг Белинды. И не сомневаюсь, что тебе удастся.

– Что?! Убить девчонку?

– Именно так.

Руки задрожали, и недомытая чашка с тонким звоном стукнулась о стекло серванта. Крестный что же, полагал, что тайна, унесенная с собой Белиндой, запечатанная в теле Аманды и ревностно хранимая Артуром... Так вот, эта Великая Тайна столь ужасна, что Андрей решит меня прикончить?

– Ты спятил.

Карпов вылетел из столовой и смерил меня затравленным взглядом. Лицо – что белая скатерть. Даже беспокойно проступившие желваки и соединенные в линию брови не разгоняли кровь.

Я растерянно кивнула и пожала плечами. Да, слышала. Да, крестный точно спятил. Полностью согласна.

Демон отвел глаза, черным вороном выпорхнул из кухни и, судя по оглушительному дребезгу входной двери, вышел из дома. Обычно профессор телепортировался с места, обходя пороги стороной, но тут, видно, не удержался от театрального жеста.

Впрочем, через пару минут он вернулся. И снова влетел в столовую.

– Я расшифровал рукопись, что ты давал, – холодно, будто и не психовал тут вовсе, проговорил Карпов. – Ни одним из ингредиентов не значится кровь. Ничья, Артур. Ни невинной девы, ни тепличного растения, ни упрямой демоницы в красной юбке.

Вот про демоницу даже обидно. Правда, совсем чуть-чуть.

– Зато я нашел тот ритуал, о котором ты так беспокоился. Запечатывающий магию на века. Так вот, это оказалось зелье. Да, ингредиенты редкие, достать сложно, но возможно. Вот только один момент: жертва должна выпить его добровольно, искренне желая расстаться с активированной силой.

– И какие выводы?

Я снова наострила уши.

– Если Арчибальд это знал... Ума не приложу, зачем он вообще охотился за книгой! В описании ритуала отдельно помечено, что зелье конфликтует с «Имморой», гасится ей... Стало быть, под внушением заставить человека отказаться от дара тоже не получится.

– Есть и другие способы внушать, тебе ли не знать.

– Подобных мне не осталось, Артур.

– Уверен? А вот до меня дошли слухи, что Арчибальд придумал, как решить эту проблему, – загадочным тоном провозгласил крестный. – Ладно, расскажу тебе сказку, мальчик.

Андрей яростно фыркнул, но смолчал.

– Арчи считал дестиннов чем-то вроде болезни. Опасная магическая мутация. Может, даже заразная. И уж точно передающаяся потомству. Он вывел теорию, что именно из-за тесного... кхм... «общения» с дестинами первокровные стали терять свои дары.

Что делать с вирусом? С бактерией? Правильно, лечить. Ловетт не верил в избранность Судьбой. Наоборот, считал, что, избавив землю от скверны, мы получим прощение и благословение от самой природы. Он совершенно помешался на этой идее – запечатать дестинскую магию, навсегда избавить волшебный мир от черной крови.

Тронувшийся умом старик искренне верил, что тогда «самородки» перестанут обучаться в Академиях, вторгаться в волшебное сообщество, смешиваться с первокровками... И отравлять «дикую каплю», передающуюся потомству, своим порочным вкладом. Первая кровь очистится. И снова придет время великих даров.

Он нашел способ решить проблему раз и навсегда. Всего-то и нужно – древнее зелье, которому не меньше тысячи лет, десяток редких ингредиентов и талантливый соратник, способный к внушению. Думаю, теперь его путем идет Лукас... И, если я прав, стоит ждать большой беды. Потому что, получив неограниченный контроль над магией, на дестинах Братство не остановится... Как тебе будущее, в котором магию раздают по талонам? Лишь избранным? Лишь арканам?

– Все это безумно интересно, Артур, но причем тут девчонка и ее кровь? Для древнего зелья она не нужна, я перепроверил расшифровку десяток раз. Высшего дара у нее нет, с внушением она тоже не поможет...

– К сожалению, поможет, – выдохнул крестный. – И не только с ним.

Судьба так часто подталкивала меня к замочным скважинам и делала свидетельницей чужих разговоров, что вынужденно выработались шпионские навыки. Я давно перестала твердить себе, что подслушивать некультурно. Все равно никуда с этой дестинской подлодки не деться.

Но в этот раз что-то больно щелкнуло внутри. Не хочу слушать, как из-за меня на мир обвалится конец света! Я зашвырнула чашку в раковину и размашистым шагом вылетела на порог Пункта Связи. Самое время вернуться в Академию. Тем более, я уже несколько дежурств в больничном отделении пропустила.

Выдворив измотанную Мари из медпункта и уверив, что, если вдруг появится пациент, мигом ее разбужу, я осталась одна. В тишине. Впервые за долгое время.

И едва я настроилась на спокойный вечер, как в груди закопошилось знакомое чувство – паника. Последние дни не оставляла параноидальная мысль, что за мной наблюдают. Следят, выжидая удобный момент, чтобы снова похитить, заключить в золотую клетку и вернуть лорду с наклонностями заправского маньяка.

Где бы ни была – в академической спальне, в Пункте Связи, в больничном отделении, – я прямо спиной чувствовала на себе его острый, холодный взгляд. «Видела» алчущую ухмылку... Только в демоническом логове возвращалось чувство защищенности, но не могла же я бегать к Карпову каждый раз, когда мне станет страшно?

Чтобы отвлечься, а также ненароком не заснуть и исполнить роль караульного с достоинством, я уселась читать заумную «Энциклопедию волшебных ядов». В свете укуса гремучника и знакомства с «Черным тюльпаном» книга выглядела весьма и весьма полезной.

Чтиво оказалось увлекательным. Через два часа меня даже перестало подташнивать от симптомов вроде «разжижения внутренностей», «выпадения зубов» и «смертей в считанные секунды». Я захихикала. Последний симптом был самым верным. Так и захотелось подписать на форзаце: «Если вы внезапно умерли, вероятно, вас отравили. Примите наши искренние соболезнования».

Надо бы к стандартной аптечке в Пункте Связи добавить коробку с антидотами на все случаи жизни и потенциальной смерти.

Дойдя до буквы Л, я стала отчаянно зевать. Там как раз яд под названием «Лазарус» обещал очень спокойную, мирную смерть от медленного затухания сердечного ритма.

Интересно, кто придумывает имена этим жутким субстанциям? И что служит вдохновением? Например, почему «Лазарус» назвали именно так? Из-за голубой паутины вен или из-за способности жертвы чудесно воскресать под утро (при принятом антидоте, естественно)? Автор был очень нудным и педантичным, но прояснить этот момент отказался.

Захлопнув жуткую энциклопедию – третий раз наступать на ядовитые грабли я не планировала! – я спрыгнула с больничной койки и вышла в коридор. Тихо. Скорая помощь никому не требуется. Ничего страшного, если я на полчаса покину пост и сбегаю к тайному пациенту.

Моя смена была только завтра, но внеочередная водная процедура нашему секретному постояльцу точно не повредит. Его «кожа» сохла все быстрее, успевая потрескаться между купаниями. Но и оставлять подопечного в тазу было нельзя: вода быстро остывала, и он начинал мерзнуть.

Заговорив жезл на теплый поток, я наполнила ванночку и перевалила в нее икринку из коробки. Тяжелый, гаденьш! И когда успел так раздаться в размерах? Сейчас наш постоялец напоминал солидный арбуз на пять-шесть килограммов.

А мы до сих пор ничего о нем не выяснили. У кого Присцилла украла фальшивое «яйцо»? Куда, кому и зачем его везли контрабандисты? Насколько опасно сидящее внутри существо?

Надо бы разобраться, кого нам принес аист. Потому что будет большим сюрпризом, если этот малыш питается юными девами... Или, к примеру, ядовит. «Смерть в считанные секунды» меня совсем не прельщала.

Да и чем его кормить, когда «вылупится»? Но я не представляла, откуда начинать поиски. Специалистов по редким магическим тварям у нас в Академии не водилось. В Эстер-Хазе при Заповеднике имелась большая библиотека, но сколько шансов, что крестный меня в нее отпустит? Правильный ответ – ноль.

Я вынырнула из подземелья с греющим чувством исполненного долга, как вдруг мои нежные уши заложило от неприятного звона.

Так рассыпаются окна и зеркала, разбитые вдребезги. Сердце замерло: неужели новое нападение? Но следом за звоном наступила зудящая тишина. Ни шага, ни скрипа. Тогда что разбилось?

Сделала ставку на роскошное витражное окно в фойе или огромное зеркало в золоченой раме возле портрета Авроры Мудрой. Но я ошиблась. Звук шел из больничного отделения. Доказательством тому был Дорохов, с ошалелым видом и окровавленной рукой вывалившийся из места моего дежурства.

Он уперся в меня осознанным, ясным взглядом. Вовсе не мутным, не подернутым дымкой, как во время странных пророчеств. Бежать не пытался, просто стоял. Его правая рука была разодрана и усыпана мелкими зеркальными осколками от запястья до локтя. Кажется, прихорашиваться мне теперь будет не перед чем...

– Сейчас ты скажешь, что опять ни черта не помнишь?

Я затолкала его обратно в больничное отделение, беспокойно оглядываясь по сторонам. Больше на шум никто не спешил, Елисею повезло.

– К сожалению, помню. И даже лучше, чем хотелось бы, – поморщился Дорохов, косясь на руку, напоминавшую сейчас, по меньшей мере, ежа. А по большей – дикобраза.

– Зачем? – растерянно глядя на пол, усыпанный осколками, воскликнула я. – Тебе что, отражение свое не понравилось?

Елисей посмотрел на меня с нотками высокомерного удивления. Ладно, уговорил. Вряд ли этого симпатягу хоть что-то в себе не устраивает.

– Не знаю, зачем... Я объясню, если сможешь.

Поспешно убрала с койки ядовитую энциклопедию, я усадила на ее место Дорохова.

– Еще как объяснишь, – возмущенно засопела, выуживая из шкафчика снадобья первой помощи. – Не расскажешь по-хорошему, у меня заживляющая мазь имеется... Идеальное средство для пыток.

Елисей оказался не таким изнеженным аристократом, каким я его себе рисовала в голове. Сидел смиренно и без жалоб терпел все мои манипуляции с осколками. Я даже на обезболивающее расщедрилась по такому случаю.

– Это отголоски, – вдруг прервал мои почти уважительные мысли пациент, он же дебошир и вредитель. – Сломанный дар.

– Высший? – я едва не икнула. – И как он работает?

– Моя бабка Фелисити видела реалистичные сны о будущем и писала по ним странные сказки. У других дальних родственниц по материнской линии случались пророческие транссы. Но только у женщин.

– Честеры имели дар к ясновидению?

Хотя, чему я удивляюсь? Сама общалась с Лукрецией Кавендиш. В девичестве – Честер.

– Мне кажется, что с даром было все сложнее. Честеры видели нити Судьбы. Она будто приоткрывала им свои планы... А вот со мной делиться отказывается, – проворчал Дорохов.

– У меня к ней тоже давние претензии, – хмыкнула в ответ.

– Обычно люди управляют своими способностями, но мой случай обратный. Дар управляет мной, – парень стяхнул со лба соломенные пряди и явил мне свои прозрачные глаза во всей красе. – Подталкивает к действиям... Так настырно, что я почти не могу сопротивляться. И знать бы еще зачем? Видимо, разбив зеркало, я запустил какую-то цепь вероятностей. Чувствую себя орудием Судьбы...

– Ты поэтому столько пьешь?

– Понимаешь, Анна... Когда половину жизни проводишь на пассажирском сидении в собственном теле, порой очень хочется от всего отрешиться.

– Меня иногда тоже накрывает ощущение, что я ничего не контролирую, – призналась парню с горьким вздохом.

– Ани! – вдруг рассмеялся Елисей. – А давай встречаться?

– Чего?! – у меня даже склянки из рук попадали, благо, на мягкую кушетку.

– А почему нет?

– Ты точно кулаком зеркало бил? Не лбом?

Я с подозрением осмотрела его глаза. Зрачки нормальные. Фокусируются четко. На моей слегка расстегнувшейся блузке. Вполне здоровый... интерес.

– Будешь моей девушкой?

– Стать одной из этих девиц? Третьей в свите? Или первой, но по вторникам и четвергам?

– Единственной. Если захочешь.

– Это дар тебя заставляет говорить глупости?

– Нет, это я сам их говорю, – ехидно ухмыльнулся парень. – Ты необычная.

– Прости, я ведь так и не заполнила анкету...

Парень хрипло рассмеялся и, ухватившись здоровой рукой за уголок юбки, игриво притянул меня поближе.

– Между прочим, я практически принц.

Аристократическая бровь приподнялась в недвусмысленном намеке. Только и осталось, что закатить глаза и расхохотаться. Точно... Мне же двух обещали. Можно планировать гарем по-королевски.

– А конь белый? А поступок героический? А спасение прекрасной дамы?

– Пока только ты меня спасаешь...

Теперь уже смеялись мы оба, разгоняя звоном голосов мглу больничного отделения. Но тьма вернулась. Налетела, мягко говоря, незаметно.

– И что бы это все значило? – разглядывая зеркальные осколки, в дверях стоял мрачный, как грозовая туча, Карпов. Позади него маячили полусонная Мари и растрепанный Эйвери.

Видимо, за маленький погром расплачиваться придется нам обоим.

Глава 2. Варварские методы

Всю вину Дорохов героически взял на себя, выставив меня перед мрачными взорами собравшихся едва ли не матерью Терезой. Так что «протирать склянки» отправился в одиночестве. Карпов был непреклонен, а мои робкие намеки, что у парня разодрана рука, вызвали на демонической физиономии лишь хищную, многообещающую улыбку.

– Вы ведь дали ему обезболивающие, мисс Дэлориан, – отметил профессор, разглядывая пустые флаконы, разбросанные по кушетке. – Хотя при поверхностных ранах...

– Да, сэр, я помню, что они не положены, – с обиженным вздохом пробормотала я и виновато кивнула Дорохову.

Склянки так склянки. Хотя бы кухонные, а не подвальные.

Военное положение, виртуально объявленное крестным, никак не сказалось на наших с Демоном дополнительных занятиях. Их никто не отменял, но, как по мне, лучше бы меня отправили на съедение к троллям... Потому что с некоторых пор все пошло наперекосяк. Малиновое желе окончательно загустело и «варить» отказывалось.

Особенно трудно сосредоточиться стало после разговора в Пункте Связи. Ну как «разговора»... Пары бессвязных фраз, которым я сама придумала объяснение.

В тот день речь зашла о кентаврах. Мелисса поспорила с рыжей бестией, что я смогла бы их приручить, выпусти меня одну-одинешеньку в дикий недружелюбный лес. И вернулась бы верхом на гордом мифическом существе.

Я же пыхтела закипающим чайником, намекая, что по Румынским Дебрям уже прогулялась и приручать там никого не намерена. И вообще, кентавры давно вымерли, а значит, их одомашнивание с некоторых пор абсолютно невозможно. Вот тут, оборвав Джен на середине пафосной речи о «волшебной теории вероятности невероятного», Карпов вставил свою фразу, прибившую меня гигантской наковальней.

– Полагаю, мисс Дэлориан достаточно разумна, чтобы понимать, какие вещи возможны в нашем мире, а какие – нет.

Смысл дошел почти сразу, и меня будто кипятком обдало. Значит, свой выбор он сделал, а мой... никого тут не интересуется. Ну, спасибо, что ли... Что «поговорили».

– Вот видишь, Джен, не прошло и четырех месяцев, как профессор обнаружил в моей голове признаки интеллекта, – бросила я, не подавая вида, как сильно задета моя гордость. Хоть сейчас в лес к кентаврам топай!

Настырным молоточком слова Карпова до сих пор отдавались в висках. Похоже, это был деликатный намек, что целовать меня больше не намерены. И по щекам гладить, и к себе нежно прижимать, и лицо греть в ладонях – тоже.

Все-таки этот мир устроен по-идиотски. Мало ли что там в Уставе Академии написано... Ну, подумаешь, высший магический трибунал? До него Карпов даже не доберется. Крестный прибьет еще на подлете. Он у меня заботливый.

Демон смотрел с фирменным холодом и равнодушием. Если это и была маска, то приклеилась она намертво – не отдерешь. Я же старательно делала вид, что ничего не случилось. Целовались на снегу? С кем не бывает?

Вся моя энергия уходила на то, чтобы не «краснеть удушливой волной» при каждом взгляде на собственного преподавателя. Как результат – я постоянно путала ингредиенты, и снадобья получались далекими от идеала. Через раз я прыгала по демоническому логову с половой тряпкой и «игрушечным» жезлом, стирая зеленую смердящую слизь то с пола, то с потолка.

А один раз и с самого Карпова стирать пришлось. Правда, в тот день зелье получилось приятного малинового оттенка и цветочного аромата. Оно вышло настолько розовым и душистым, что я не выдержала и заявила, что устроила ему «взрыв мозга».

Комичность ситуации была понятна только нам двоим. Все первое полугодие Демон уверял, что в моей голове вместо извилин живет и здравствует «малиновое желе». Но тем вечером оно ползало по его брюкам и черной рубашке, превратив мужчину в крайне мрачную тучу темно-розового оттенка.

В этот раз я решила прекратить затянувшееся цирковое представление и клятвенно пообещала себе быть внимательной. Первый час все шло, как по маслу. Кроветворящий раствор отдавал в нос древесной гнилью и на вкус был идеально мерзким. Как раз таким и должен быть, доводилось пробовать. Но потом мысли хороводом улетели в непристойные дали, и что-то пошло не так...

– Вы снова отвлеклись, – раздалось поблизости знакомое осуждающее ворчание. Я подняла голову от хрустальной чаши и едва не столкнулась с Карповым лбом. И когда успел подойти? – Должна быть легкая серебристая пенка, а не мыльные пузыри размером с кулак... Вас что-то беспокоит?

О, да еще как! Вам все вместе или в порядке живой очереди?

– Элизабет написала... Она завтра вернется из медового месяца, – я схватилась за соломинку, назвав вполне убедительную причину моей рассеянности. – Обещала заглянуть в Пункт Связи.

– Все это безумно интересно, но...

– «Мы здесь снадобьями занимаемся, а не чем-нибудь другим», – надменным тоном процитировала я Мрачного Демона и снова уткнулась в чашу.

А я бы не прочь... в смысле «чего-нибудь другого».

– Ну и как дела... у мисс... у Элизабет? – чуть не до инфаркта шокировал меня профессор, ни с того ни с сего решив проявить учтивость.

– Наслаждается счастливой супружеской жизнью, – язвительно ответила я.

Любой заметил бы проскользнувшую в моих словах зависть. Нет, за Лиз я, конечно, радовалась. Они с Яном уехали в Индию сразу после церемонии и, не сомневаюсь, уже облюбовали там все кусты и садовые лабиринты...

– Вашей подруге повезло, – сухо бросил Карпов и отошел к окну.

– Повезло, – тихонько повторила я, намекая Судьбе на ряд недочетов с ее стороны. – И свадьба была чудесной...

– Скучной и обыденной.

– Чудесной! – возразила я гораздо громче, чем собиралась. – И вообще, не вам судить... Вы терпеть не можете праздники и брачные обряды.

– Но кое-что в них понимаю.

– Кстати, почему вы ненавидите свадьбы?

Я отложила серебряную поварешку. Зелье намекало, что путного из него ничего не выйдет. Мыльные пузыри заполнили хрустальную чашу до краев, изредка взлетая и щекотно щелкая меня по носу.

– Вас это не касается, – строго ответил профессор и раздраженно дернул плечами.

– Но вы ведь были женаты.

– Был. И что? – густой голос угрожающе задрожал, но лицо оставалось равнодушным.

– Значит, была красивая церемония. Вы же князь и все такое. Множество гостей, цветы, невеста в пышном платье... Как это может не нравиться?

Карпов устало потер складку между бровей и глянул на меня со снисходительным сожалением.

– Вы от меня не отстанете, верно?

Помотала головой: надо ведь поддерживать репутацию «упрямой мисс».

– Все было именно так, как вы описали. Три сотни лицемерных гостей. Тонна цветов, разношерстным ароматом отбивающая обоняние. И милейшая невеста. Разумеется, в чем-то белом и крайне пышном. Я наелся этой «красоты» сполна. И да, это был не самый лучший день в моей жизни. Довольны?

– И куда вы дели свою жену?

– Убил. Еще вопросы будут или вернемся к снадобью? Хотя ему уже ничто не поможет...

– В смысле убили? – недоверчиво вернула я мужчину к неоконченной беседе.

– В самом прямом. Подробности не ждите. И да, та церемония тоже была скучной. Если бы мое мнение кого-то интересовало...

Выдохнув, Карпов достал из серванта знакомый мне потрепанный старинный том. Тот самый, с описаниями древних обрядов. Незаметно выудив из него бордовую ленточку-закладку и сунув в карман, профессор положил том передо мной на стол. Я подавила улыбку и спрятала глаза в хрустальной чаше. Не дай бог поймет, что я снова рылась в его вещах.

– Несколько веков назад браки заключались магией. Поистине красивые и осмысленные ритуалы, связывавшие людей по-настоящему, а не на бумаге. Расторгнуть такой союз не могла даже смерть. Полистайте, пока помешиваете.

Скептически поджав губы, я все-таки раскрыла книгу на разделе брачной магии. И на первой же странице охнула от обилия жутких ингредиентов, пугающих символов и добровольных ранений. Обряды были один мрачнее другого. Понятно, чем вся эта доисторическая муть так нравилась Демону.

В одном из ритуалов молодоженам предлагалось испить зелье, основным ингредиентом которого значилась кровь горгульи. Бррр! Для второго требовалась исключительно невинная мадемуазель. Причем расстаться с этим богатством ей предстояло в течение десяти дней после сложного и дорогого обряда. В противном случае брак принудительно отменялся.

– Варварство! – тихонько фыркнула я.

– Что именно вас возмутило? – тут же подал голос Демон, будто только и ждал, что моей реакции.

– Да вот интересуюсь, если молодожены не успели «доделать ритуал»... Ну, мало ли, что могло пойти не так? – фантазия тут же подсказала десяток разнообразных версий, от похищения драконом до прыща на... лбу. – Это что же, все заново начинать?

– Боюсь, я не готов обсуждать с вами этот вопрос, – мрачно бросил Карпов и отвернулся к окну.

«Ой, да не больно-то и хотелось!» – мысленно промычала я, краснея и перелистывая страничку.

В третьем ритуале, – автор обозвал его романтичным «Обещанием в вечности», – нужно было ковырять ножиком какие-то жуткие символы на ладонях. Но самым гадким оказался четвертый. Он предлагал вкусить кровь друг друга. Это вам не какая-нибудь волшебная тварь. А твой собственный жених!

– Вам правда эта гадость кажется романтичной? – у меня даже скулы свело от омерзения. Демон только хмыкнул.

Ох, нет, самым противным был пятый ритуал. «Брачные цепи». Он совмещал все прелести предыдущих четырех и после церемонии оставлял на запястье золотую отметину. Татуировку с функцией супружеского телепорта. Я точно на ком-то ее уже видела... Вроде колечка... Или звена...

– Джулия пила кровь своего мужа?! – распахнув глаза взволнованным лемуrom, воскликнула я и расплескала зелье с серебряной поварешки.

– Там написано «вкусить», а не «нахлебаться». Полагаете, ее после этого следует причислить к вампирам?

– Знаете, что? То, что вы называете «красивыми древними ритуалами» – совершеннейшая мерзость, – подвела я итог, глядя в смеющиеся черные глаза.

Но, похоже, с выводами я поторопилась... Шестой обряд – «Плоть от плоти» – вывел суровость брачной магии на новый уровень.

– Я, конечно, никогда не считала супружество особо веселым занятием... Но разделить с партнером боль в равных долях? Это что еще за пытка?

Карпов подошел ко мне и заглянул через плечо, задумчиво хмыкнув. Теплое дыхание защекотало выбившиеся из пучка волоски на затылке, и я потеряла мысль. Безвозвратно.

– Нет, тут автор ошибся. Это не свадебный. Хотя лет триста назад обряд в шутку называли «посмертным полевым браком»... Но союзы, заключенные таким образом, никогда не считались супружескими. Ритуал вполне могли провести братья или друзья. Он давно запрещен.

– Почему?

– Наверное, потому, что в большинстве случаев ведет к смерти обоих, – все так же задумчиво пробормотал Демон и улыбнулся чеширским котом. Вот спиной видела!

– Никогда больше не показывайте мне эту гадкую книженцию! – я захлопнула томик и с обиженным видом вручила его профессору.

В нашей академической спальне на семь персон царил тягостная, тоскливая атмосфера. Отчасти потому, что персон стало шесть.

Вика Добрева после заочного суда над Расковым и Кавендишем упаковала чемоданы и отбыла домой. Ее никто не вынуждал. Я сразу, как узнала, простила наивной дурочке участие в грязном ритуале. Влюбилась, запуталась – с кем не бывает? Но удар оказался слишком тяжелым для белокурой «простушки».

Второй причиной был грустный взгляд Рашель. Даже любовные романы, поглощаемые с прежним постоянством, не поднимали «мечтательнице» настроение. Элайза так и не пришла в сознание. И я чувствовала себя отвратительно.

Неприятнее всего было от того, что Рашель меня не обвиняла. Наоборот, благодарилась за попытку спасти сестру. Знала бы она, кто и зачем сотворил такое с Элайзой... Но крестный снова напустил тумана: семейство Рид если и узнает об истинных причинах, то не скоро.

– Эрик приехал из Лондона. Мы хотели навестить ее в больнице. А нас не пустили! – негодовала Рашель, меряя шагами комнату. Сегодня девушка выглядела скорее возмущенной, чем расстроенной. – Но у Эли жених, что надо. Боевой. И симпатичный, как оказалось. Так вот, Эрик взломал портал для медперсонала и протащил меня прямо к ее палате. И что вы думаете? Ее там не было! На койке лежала совсем чужая девица с забинтованными ногами.

– Может, Элайза очнулась? – воскликнула удивленно Розмари. – И ее перевели?

– Разве семью не предупредили бы о таком? – разочарованно потрясла красными волосами Рашель. Похоже, она тайно надеялась на эту версию, но факты говорили об обратном. – Мы пошли к главному целителю, но он отказался нас принять. Я уже написала матери...

Новость о пропаже Элайзы мне совсем не понравилась. На душе заскребли подозрительные кошки. Я была почти уверена, что крестный знает, куда подевалась младшая Рид. А может, даже причастен к ее исчезновению.

Забурившись в дальний угол библиотеки – подальше от острых глаз госпожи Разиной, – я раскрыла учебник по «Полезной практической магии». Карамзина задала километровое сочинение на тему бытовой телепортации.

Я вгрызалась в страницу за страницей, но никак не могла взять в толк, чем отличаются супружеские талисманы от обычных заговоренных амулетов. Ксения Игоревна поглядывала на меня снисходительно из-за стеллажа с историческими сводками. Наконец, аристократка передернула плечиками и подошла.

– Вам это сложно, мисс Дэлориан, потому что вы росли в мире людей, – выдохнула преподавательница. – Будь вы потомственной первокровкой, то не удивлялись бы, увидев отца, телепортировавшегося к матери прямо на кухню. Супружеский талисман – вроде маячка... Этакой путеводной звезды, по которой мужчина всегда найдет свою жену.

– А она к нему... как? – сумбурно выдохнула я и почесала затылок. – Это же в обе стороны действует?

– Именно так. Жена может перенестись к живому мужу, дав команду амулету. Он в некотором роде связывает в пространстве два бьющихся сердца, – кивнула Карамзина и мечтательно уставилась в окно. – Талисман носит один из супругов, этого достаточно. В нашем сообществе принято, что семейная реликвия достается даме. Медальоны передаются от матерей к дочерям... Это очень древние артефакты.

– Я не понимаю...

– Чего именно? – Ксения Игоревна вернулась в библиотеку взглядом и мыслями.

– Что тогда такое «телепортационный амулет»?

– Большая редкость в наши дни, – пожала плечами преподавательница. – Чтобы зачаровать древний артефакт на перемещение в избранные точки – с дозволения хозяев и попечителей, разумеется, – нужен очень высокий уровень магии. Остаточные следы высшего дара.

– И тогда можно перемещаться, когда и откуда захочешь? В смысле... в «избранные точки»? – догадалась я. – В Пункт Связи, к примеру? Или... в свой кабинет?

– Можно, можно, – заулыбалась Карамзина. – Если хозяева не против. Но сейчас в ходу остались по большей части супружеские... И те – лишь в семьях, где сохранились фамильные безделушки.

Поняв, что имела счастье наблюдать оба вида древних телепортов и вполне смогу описать их в сочинении, я довольно раскрыла блокнот.

– Переделать! До вечера, господин Дорохов, – раздалось громогласное из-за стеллажей, и мы с Ксенией Игоревной одновременно вытянули головы в сторону шума. – Иначе я познакомлю вас на практике с парализующим действием Эрвинного Корня.

Карпов как раз гневно швырнул какие-то листы, исчерканные красным, перед Елисеем, и навис над ним черным коршуном. Дорохов, насупившись, сидел за столом в окружении друзей-«зазнаек». Карамзина осуждающе покачала головой, бормоча под нос: «Бедный мальчик».

– Повторяю: до вечера... «ваше высочество».

– Переделаю... сэр, – злобно процедил Дорохов, буравя Демона прозрачными глазами.

Профессор размашистым шагом вышел из библиотеки, в которой повисла такая гробовая тишина, что слышалось сердце госпожи Разиной, заходящееся от восторга. Вот она, мечта местного цербера... Ей с Карповым надо работать в паре.

Елисей низко склонился над исчерканными листами, его товарищи тактично рассосались по соседним столикам, а Карамзина вдруг взяла... и закатила глаза.

– Идиот, – решила меня добить аристократка.

– Который? – хрипло уточнила я.

– Который вышел, – подтвердила мои опасения Карамзина. – Ненависть – опасная вещь... Бьешь вроде прицельно, но страдают все вокруг.

– Вы думаете, профессор ненавидит Елисея? Но за что? Дорохов ведь аристократ и зазнайка... В смысле, Андрей Владимирович курирует его отделение...

– Мало ли, что Андрей Владимирович курирует, – дама красноречиво фыркнула. – И нет, моя дорогая, Карпов ненавидит вовсе не Дорохова. Хотя едва ли сам это понимает.

Силясь как-то расшифровать ее намеки, я наморщила лоб... Но ничего не вышло.

– Профессор видит в этом мальчике себя. Прежнего. Заносчивого выскочку, «принца» по магической крови, единственного наследника княжеского рода. Если вам интересно, каким был ваш преподаватель десять лет назад, – просто приглядитесь к Елисею. Надменный, ничего

вокруг себя не замечающий, воспринимающий свое высокое положение как данность... Берущий все, что захочет... И при этом ничего особо не желающий. Скучающий от собственной власти.

– Дорохов не такой!

– Правда? – удивилась Карамзина. – А выглядит таким... Во всяком случае, в глазах Андрея. С друзьями – Фридрихом и Кристианом – они по молодости натворили немало дел. Удивительно, как все трое живыми остались...

Я так поразились откровениям аристократки, что не заметила, как сгрызла кончик ручки до основания.

– Дурацкая привычка, – кивнула на зажатое в зубах перо Карамзина, и я спешно выплюнула искромсанную добычу.

– П-простите... Леди из меня не вышло.

– Я заметила.

– И что, вокруг Андрея... Владимировича... в молодости так же вились стайками девицы?

– Он этого не поощрял, но и не отвергал... Так что да, вились, и еще как. Одна была крайне настойчивой, но Карпов... Он всегда был глыбой льда. Холодной, пассивной... Никогда не проявлял инициативы. Не помню, чтобы мальчик хоть за кем-то ухаживал. Скорее, позволял себя любить. Джине, Эми...

– Эми?

– Милое было дитя, – вдохнула Ксения Игоревна. – Очень жаль. Знаете, мисс Дэлориан, что-то я разболталась... Займитесь лучше сочинением.

Стряхнув скую слезу, Карамзина поспешно отошла за стеллажи.

Крестного удалось отловить только под вечер. Показалось даже, что Артур меня избегает, нарочно изобретая все эти выступления перед Верховным Советом и неотложные визиты в Эстер-Хаз.

Сегодня, как он сам признался, ректор был занят вербовкой двух «особо важных персон» в нашу организацию сопротивления. Настолько особых и важных, что Артур Кроу лично прогулялся до Заповедника близ Румынских дебрей. И теперь, потрепанный и уставший, возлежал в кожаном кресле своего кабинета ипил горлораздирающий «травяной сбор».

– Рашель была в больнице. Ее не пустили к Элайзе, – издали начала я, примостившись на край неудобного стула.

– Посещение пострадавшей временно запрещено. Видишь ли, Ани, опасность, которая...

– Ее там нет!

– Ммм? – крестный с любопытством поднял глаза от бокала. – Ах, ладно, мне стоило догадаться, что просто так ты бы не дежурила у двери. Полагаю, старшая Рид как-то пробралась в палату?

– Вы ее где-то заперли? В тюрьме? В лаборатории? – я запыхтела, стараясь не сорваться на крик. – Что вы с ней сделали?!

– А ты, значит, с легкостью готова заподозрить меня в самых страшных грехах? – с интересом поднял бровь мужчина.

– Не без оснований, – ворчливо промычала в ответ.

– Элайзу Рид перевезли в надежное место. В целях безопасности. Ее тщательно охраняют, Анна, – спокойно начал объяснять ректор, будто перед ним сидела степенная, благовоспитанная леди, а не пыхтящая гневным самоваром «оранжерейная мисс». – У пострадавшей ученицы остались кое-какие ценные воспоминания. Удалять их сейчас опасно для ее рассудка, который мы все же надеемся сохранить.

Артур сделал акцент на последних словах, и я поежилась. А может быть второй вариант? В котором рассудок не сохранится? Стало совсем жутко и тошно.

– Но, когда девочка окрепнет и придет в себя, мы все-таки попытаемся это сделать. Удалим лишнее. Исключительно для ее безопасности. Затем мисс Рид вернется к своей семье и к учебе.

– Какие воспоминания?

Зная Артура, подумалось, что «исключительная безопасность» Элайзы волнует крестного не так сильно, как он рассказывает. И есть кое-что еще. Непременно вселенской важности и имеющее отношение к Концу света.

– Ты не удивилась, что пятикурсница огрела тебя заклятьем, которое вы только начали изучать? Да еще таким крепким?

Я пожала плечами:

– Наверное, ее научил кто-то другой.

Вспомнились индивидуальные уроки с Карповым. Его мягкие, но властные прикосновения к моему запястью, умелое руководство послушной рукой... Когда он не язвил и не издевался, то становился прекрасным преподавателем. Уверена, что так же умело, властно и терпеливо он мог обучать и другим вещам... Не только снадобьям и пресловутой волшебной дипломатии.

– Есть быстрый способ обучения.

Я дернулась и ощутила, как на щеки напалзает румянец. Да нет, не мог же Артур мысли мои прочитать? Значит, он о чем-то другом. А вовсе не о том, о чем я так некстати задумалась.

– Когда сознание очищено, жертва напоминает открытый сосуд. Можно как вынуть что-либо, так и положить. Поместить в голову умения, знания, даже ощущения. Примерно так внедряется чужеродная память...

– «Так» это как?

– «Темным соединением», Ани. Ты ведь в курсе, о чем я?

Поежилась. В курсе. Век бы не вспоминать.

– Значит, госпожа Боулз соединилась с Элайзой, чтобы научить ее «Иклерии»?

Медленно и как-то печально выдохнув, крестный привстал с кресла и пошел к барному шкафчику. Плеснул себе еще одну порцию адского напитка и вернулся к столу.

– Бэлли очень торопилась и была неаккуратна. Слишком ее привлекала возможность подставить Джорджину... Этот скандал с вином стал бы идеальным прикрытием. Почти вся энергия Белинды ушла на натаскивание гремучника. Это опасное для жизни мероприятие, нужен постоянный контроль, мощная концентрация. На Элайзу ее сил почти не осталось...

– Так это же хорошо? Воздействие было слабее?

– Отнюдь. Просто грубее. Боюсь, Бэлли не планировала оставлять девочку в живых, и потому рискнула всем. Открыла ей свое сознание.

– И? – только сейчас заметила, что сижу, подавшись вперед, и впиваюсь пальцами в подлокотники так, что костяшки совсем побелели.

– Мисс Рид впитала много лишнего из сознания Белинды. Знания о смертоносных заклинаниях, о древних экспериментах с темной материей. Кое-что из нашего общего прошлого, воспоминания с заседаний Ордена рагнарлов, – устало перечислял крестный, а я все сильнее сжимала ладонями стул. – Кое-какие догадки и их подтверждение, результаты поисков двухсотлетней давности... Ты не поймешь, милая. Плюс ко всему – информацию о хранилище древностей, испокон веков собираемых рагнарами.

– Элайза хорошая, – тихонько, едва не теряя сознание от неприятных догадок, ответила я. – Она не станет пользоваться этими знаниями во вред. В крайнем случае, можно поставить на нее печать запрета... Ты... Ты ведь не убьешь ее?

– Это худший из вариантов развития событий, – признался Артур. – Лишь в том случае, если девочка не придет в себя и не позволит нам подчистить свое сознание. Пока же она – как шкатулка с секретами. Ящик Пандоры, который может вскрыть любой умелый Темный маг. Бэлли подставила под удар все начинания рагнарлов.

– Да? А она говорила, это ты всех предал, – я откинулась на спинку кресла и подняла глаза на крестного. Он сидел на краю столешницы и возвышался надо мной гордым, сидящим орлом.

– Предпочла бы, чтобы не предавал? – Артур ехидно улыбнулся, будто мы выбирали мороженое за столиком кафе.

Как легко мы сидим и рассуждаем о моей неслучившейся смерти. И, что самое жуткое, я уже привыкла думать об этом спокойно. Мой крестный планировал меня убить ребенком. Почему бы и нет? Со всеми бывает. Передумал – и на том спасибо. Но вот же, нашлись недовольные!

– Почему ты не выполнил задание? Что такого увидел, что решил сохранить мне жизнь?

– Подаренную мной бордовую ленточку в твоих волосах. Ты была очень симпатичной девочкой, которой суждено было вырасти красавицей. Поняв, за что поплатились Николас и Этуаль Дэлориан, я пообещал себе устроить жизнь их дочери. Отдать в уважаемое учебное заведение. Найти достойного супруга. Не смейся, моей власти достаточно, чтобы отвоевать твое право вступить в хорошую семью.

– Только не вздумай искать мне мужа, – угрожающе прошипела я, поглубже забиваясь в неудобное кресло.

– Пока меня больше волнуют вопросы твоего выживания, малышка.

– И все-таки я не поняла, почему ты меня пощадил.

– Ани, я доверяю Судьбе, – с мирной улыбкой вздохнул крестный. – В тот раз она впервые отвела от тебя удар, выгнав ночью из комнаты. А ведь ты еще не владела магией! Я сразу понял, что ты – ценная фигура для мироздания, раз оно опекает тебя на таком уровне. И не стал идти против природы, интуиции... и симпатии, в конце концов.

Глава 3. Заключение

Привычная прохлада больничного отделения успокоила внутренний пыл. Джен посмеивалась, что я чувствую себя здесь как дома, потому что раз в месяц оказываюсь на койке в качестве пациента. Шутки шутками, но, во-первых, мне действительно было комфортно в просторном, пахнущем травами, снадобьями и свежестью помещении. Во-вторых, расческу я себе в шкафчике завела. На всякий случай. Правда, в отсутствии зеркала красоту наводить стало проблемно.

Мари хлопотала над каким-то варевом – даже знать не хочу, что там у нее булькало в хрустальной чаше, попахивая аммиаком и дождевыми червями. Я же вернулась к начатой энциклопедии: буквой Л ядовитый алфавит не закончился.

– Помогите! – негромко пискнуло невысокое чудо, просунувшее в дверной проем лохматую белокурую головку. Девочка была первокурсницей.

– Что тебе, милая? – Мари важной птицей выпорхнула из-за зельеварительного стола и втащила гостью в палату целиком. – Где болит?

– Я меня? Нигде, – помотала головой девчонка, округлив и без того огромные серые глаза.

– А кому помочь?

– Не знаю. В новой оранжерее кто-то лежит, – затараторило чудо. – Я спать шла и в окно увидала. Там ноги торчат из-за двери. Четыре штуки. В ботинках.

– Хмм, – с улыбкой заявила Мари. – Четыре ноги – это не страшно... Но вот чтобы в ботинках... Хорошо, милая, спасибо, что сообщила.

Выпроводив впечатлительную ученицу, госпожа Пламберри неодобрительно засопела.

– Я подниму Эйвери. Снимем с дверей защиту и сходим проверить, кто там разлегся среди ночи. Скорее всего, привиделось. А старикам по дорожкам бегай. Ты тоже одевайся, вместе пойдем.

– Там холодно. И снег, – нервно пробормотала я, не теряя надежды пропустить прогулку.

– Ани! Тебе надо хоть иногда бывать на свежем воздухе, – сказала Мари, что печатью шлепнула. – Тем более, в компании Главного и Единственного Стража совсем не страшно.

Над Эйвери летел десяток световых шаров, дорожка утопала в искрящемся снегу. Я замыкала процессию, ежась от холода. Сапожки скользили, под ногами то и дело раздавался хруст. Нет, нескоро я полюблю зиму.

Новая оранжерея – седьмая – расположилась у самой лесной опушки. Я в ней еще ни разу не была и понятия не имела, что за растения тут живут. А вот ноги из открытой двери, и впрямь, торчали. В количестве четырех. И в ботинках.

К ногам прилагались неподвижные тела двух мальчишек лет тринадцати.

– Мари! – прохрипела я и зажала рот, пытаясь задавить вопль в зародыше.

– Не делай поспешных выводов, – сосредоточенно пробормотала женщина, склоняясь над телами. Она и сама стала белее снега. На контрасте с зелеными лицами пострадавших это было особенно заметно. – Дышат. Беги наверх, Анна. Приведи Андрея. Я понятия не имею, что растет в его новой оранжерее и чем отравились эти мальчишки.

Пока добежала до четвертого этажа, успела успокоиться и согреться. Снег меня нервировал и рисовал в сознании страшные картины. Мари права, мальчишки просто наелись незнатных ягод и отравились. И зеленый оттенок кожи, так меня перепугавший, – лишь очередной симптом. Сейчас подберем антидот по ее модной книжке, и все будет в порядке.

Пробарабанила в дверь и, не дожидаясь приглашения, вошла внутрь. Строгий, подтянутый силуэт Карпова обнаружился у окна. Он стоял спиной ко мне. На подоконнике с важным,

горделивым видом – будто принесла невероятно ценную весть – сидела Джильберта. Увидев меня, ламбикура ощутимо напряглась и начала переминаясь с ноги на ногу.

– Не поздновато для посещений, мисс Дэлориан? – с иронией проворчал профессор.

Глаза у него на спине, что ли? Или аромат моего «цветочного мозга» чувствуется изда- лека?

– Я на дежурстве, сэр, – нервно ответила я. Часы показывали одиннадцать. Не хватало еще, чтобы Демон решил, будто я по своей воле пришла к нему в столь поздний час. – Меня послала госпожа Пламберри. Нужна помощь кое в каком вопросе.

– Внимательно слушаю, – серьезно ответил Карпов и повернулся.

– В седьмой теплице нашли без сознания... – начала я и запнулась.

Из-за спины профессора появилось существо. Оно топталось по подоконнику, склевы- вая с серебряного подноса остатки лакомств. Но, услышав меня, замерло и подняло курчавую головку. Мир тут же сузился до двух розоватых глаз с крошечными молниями внутри. Не было ничего важнее их. И нужнее.

Мысли бодрым маршем покинули голову. Все до одной. Осталось лишь ощущение пол- ного счастья, эндорфиновым хором прокатившееся по мышцам.

– Продолжайте, мисс Дэлориан. Судя по всему, ситуация серьезная.

Напрочь позабыв, зачем пришла, я продолжала разглядывать крошечного ламбикура. Без сомнений, это был птенец Джильберты – курчавое оперение в цвете «баклажан», темно-рыжий клюв, смешные кисточки ушей. Только он был чуть светлее вредной мамыши и гораздо лохма- тее: парню – а я была уверена, что это самец, – не помешала бы расческа.

– Не вздумай! Ты еще мал для этого! – переполошилась Джильберта и яростно захлопала крыльями. – Это слишком интимно...

Пока ламбикура орала, мы с непослушным птенцом глазели друг на друга. По телу про- катывались электрические импульсы. Ощущение странное – как смесь страстного поцелуя, томной неги после долгого сна и удовольствия от поедания шоколадного торта.

– Поспешный выбор, малыш! – волновалась сердобольная мамыша. – Она тебе не подхо- дит!

– Анна, – вдруг гортанно провозгласил мое имя кроха-ламбикур, и волна мурашек про- бежалась от поясницы до затылка.

С удрученным вздохом его негодующая мать сложила крылья и опустила на подокон- ник. Странное знание вдруг родилось в моей голове. Я скосила ее набок и произнесла:

– Арчи.

– Надо погладить, – подсказал Карпов. А потом не удержался от колкости и язвительно добавил: – Даже не представляешь, Арчи, во что ты ввязываешься.

Подойдя ближе, я ласково провела ладонью по шелковистому оперению. Подушечки пальцев приятно покалывало и обдавало теплом, будто между нами метались миниатюрные молнии. По телу расплзалась беспричинная радость, волнообразно сменявшаяся то вдохнове- нием, то томной меланхолией. Крошка-ламбикур довольно прищурился и еще сильнее нахох- лился, превратившись в лохматый фиолетовый шар.

– Теперь расскажете, что стряслось в оранжерее?

– Два первокурсника, без сознания... и зеленые. Неизвестно, что именно они съели или потрогали, – бормотала я, замороженно глядя на своего собственного ламбикура. – Только вы сможете определить. И когда я говорю «зеленые», то имею в виду насыщенный изумрудный оттенок, сэр.

– Или Тигриный Зев, или Непентес Неагрессивный. Лучше поторопиться... Отравление Непентесом летально. Пойдемте, пойдемте, потом наиграетесь.

Карпов ухватил меня за локоть и силой выдворил из кабинета. Только и успела, что заме- тить укоряющий взгляд Арчи и угрожающий – его мамыши.

– Ну и как вам... «заключение контракта преданности»?

Демон с интересом глянул на меня, когда мы разменяли очередной лестничный пролет, и щеки тут же зашипало румянцем.

– Волнительно.

– Джилльберта заключает меня до полусмерти, когда вернусь, – озабоченно пробормотал Карпов.

– Считает меня неподходящей партией для своего отпрыска? – рассмеялась я, продолжив спуск на первый этаж. – Ну, она не одна такая. Даже у ламбикуров есть предрассудки насчет destinoк... Кто бы мог подумать!

– Вряд ли они видят разницу между destinoми и первокровками. Просто Жи-Жи, как любая тревожная мамаша, надеялась подольше удержать его в гнезде. Ей бы сейчас и королева не угодила, – попытался сгладить углы профессор.

– Как думаете, почему он выбрал меня? – смущенно спросила я.

Влиятельной, могущественной, отважной волшебницей я не являлась. Наоборот, весь день проявляла чудеса трусости и неуверенности в себе.

– Тут и думать нечего... Как и прочие, бедный неопытный птенец пал жертвой вашего обаяния, – съязвил Карпов и с довольной ухмылкой толкнул дверь больничного отделения.

Жаль, я не знала заклинания, которое заставило бы ее захлопнуться обратно, ударив мужчину по вредному демоническому носу.

Ученики уже были здесь. Лежали на койках – неподвижные и абсолютно зеленые. Эйвери стоял поодаль, сложив морщинистые руки за спиной и не вмешиваясь в процесс. Мари хлопотала над ребятами, пыхтя добродушной ежихой.

– Пришли! Наконец-то! Андрей, я уже проверила на Тигриный Зев. Сыпи не обнаружила, так что... У меня просто нет вариантов!

– Непентес, – бросил Карпов и принялся осматривать ближайшего мальчишку.

– Который?! – воскликнула Мари, приложив ладони к губам.

– Неагрессивный. С момента отравления прошло не больше часа, иначе бы...

– Зачем ты поселил такую гадость в новой оранжерее? – зашипела на него моя наставница. – Это же дети! А ты им – Непентес!

Все еще что-то неразборчиво рыча, она побежала в свой кабинет и принялась греметь дверцами шкафчика с противоядиями.

– И правда – зачем? – тихо спросила я профессора. – Что это за новая теплица? Для чего все эти жуткие растения?

– Для учебы, мисс Дэлориан. Врагов надо знать в лицо, – строго ответил Демон. – Вход в седьмую запрещен.

– Как и в пятую, сэр, однако, это никому не мешает... – начала я и вдруг запнулась, ухнувшись с головой в неловкие воспоминания. – Новая теплица правда только для учебы? И ничего секретного? Слухи разные ходят...

Карпов внимательно на меня посмотрел, открыл было рот, но тут же и закрыл, потому что прибежала Мари и принялась вытряхивать на кушетку пробирки из аккуратного саквояжа.

– Сейчас возьмем в них антидот – и будут, как огурчики, – оптимистично заявила госпожа Пламберри, выуживая из горы пробирок одну, с мутновато-красным содержимым.

– Неудачное сравнение, Мари, – хмыкнул Карпов, окидывая взглядом насыщенно-зеленых подопечных. Они и сейчас были, как огурчики. Без всяких противоядий.

– И то верно. Тогда будем надеяться, что они сменят свой овощной окрас на более... человеческий.

Я сидела на соседней койке, свесив ноги, и наблюдала за развернувшейся рядом суетой. Снова накрыло тревожным ощущением. Нескоро я смогу полюбить снег... Теперь он ассоциировался у меня с проблемами. Единственное, что радовало, – руки по-прежнему хранили пружинящее тепло мягких кудряшек, так сладко прогибавшихся под моими пальцами.

Я еще толком не осознала, но, кажется, у меня появилось домашнее животное. Не собака, конечно, которую я выпрашивала у родителей, но и не хомячок...

– Вы дрожите.

Подняла глаза. Карпов внимательно смотрел на мои руки, которые действительно тряслись. А я и не заметила.

– Снег, – пожала плечами.

Демон понимающе кивнул и больше вопросов не задавал.

Часа через два первый мальчишка очнулся и подал голос. Второй еще валялся в забытии, но кожа с темно-изумрудной стала серо-салатовой, и Мари облегченно выдохнула. А затем с материнским укором глянула на «нашкодившего» профессора.

– Жить будут, – сухо буркнул Карпов.

– Выбрось эту дрянь из седьмой, – угрожающе зашептала моя наставница. – И все прочие ядовитые растения!

– Тогда в ней ничего не останется, – недобро рассмеялся Демон.

Вид он имел уставший и озабоченный, и все это время не отходил от кушеток, над которыми ворковала госпожа Пламберри. Каким бы хладнокровным он ни хотел казаться, судьба глупых мальчишек его волновала.

– Господин Эмбер, не соизволите ли вы нам объяснить, как оказались без сознания в закрытой для посещений оранжерее? – мягко, вкрадчиво, пробирая голосом до мурашек, поинтересовался Карпов у пришедшего в себя юноши.

Паренек нервно слотнул, выпучив оба голубых глаза на профессора, и, кажется, с радостью бы отдал богу душу прямо на этой кушетке. Даже стал озираться в поисках какой-нибудь склянки с пометкой «яд». Тут я с ним была солидарна: разгневанный Карпов пострашнее Непентеса Неагрессивного.

– Не помню, сэр. Мы с Эрлом вышли из Академии... Зачем-то. Было холодно. Кто-то нам сказал... Нет, не помню! Чернота в голове, – виновато просипел мальчишка, настолько бледный, что сливался теперь цветом с голубыми простынями. – Я бы сказал, сэр, честно!

– Вот как? – озарил лицо пугающей ухмылкой Карпов. – Помочь вам вспомнить?

– Д-давайте... – покорно кивнул парень, явно не соображая, что задумал Демон.

– Не вздумайте! – я вскочила с койки и перехватила руку Андрея, уже направлявшуюся к бледному виску с пульсирующей венкой. – Он и без вас еле живой!

– Лучше допросить по свежим следам, заботливая мисс, – крикнул Эйвери позади меня. – Если кто-то приказал мальчишкам...

– Это не д-допрос, а варварство! – мой голос дрогнул.

Пальцы все еще крепко впивались в запястье Карпова. Он не спешил стряхивать мою руку и спокойно ждал решения лекаря и главного стража.

– Анна... Надо выяснить, что случилось, – наконец, выдала наставница, сочувственно поджав губы.

– Это больно! И... мерзко!

– Если не сопротивляться так яростно, как некоторые упрямые милые леди, то почти не больно, – пробормотал Карпов, бросив на меня виноватый взгляд. – Господин Эмбер, вы ведь впустите меня в свое сознание? Добровольно?

– Хорошо, сэр. Я потерплю, – мужественно заявил мальчишка и закрыл глаза.

Карпов кинул выразительный взгляд на свое запястье, изрядно побелевшее под моими пальцами, и я поспешно убрала руку, оставив после себя красные полосы.

– Простите, Андрей... – пробормотала покаянно и, дождавшись его красноречивого «кхе-кхе», добавила со вздохом: – Владимирович.

Демоническая ладонь легла на лицо парнишки, и тот почти сразу тихонько застонал. Ну да, не больно! Варвары... Я бросила осуждающий взгляд на Мари, но та лишь пожала плечами: надо так надо.

Впервые я наблюдала за процессом «Темного соединения» не изнутри, а снаружи. Карпов стоял неподвижно. Веки прикрыты, длинные ресницы слегка трепещут. Губы напряженно сжаты в тонкую линию.

Странно, он же говорил, что Мастеру процесс доставляет удовольствие? Что-то не похоже, что он на вершине блаженства... По бледному лицу прошла судорога, ресницы задрожали чаще.

– Мари, так и должно быть? – прошептала я наставнице, кивнув на стремительно белеющее лицо Андрея.

– Что? Ох, нет!

Она с силой оторвала от мальчика будто примагнитченную ладонь профессора, тряхнула Демона хорошенько и в сердцах отвесила ему пощечину. Последнее было необязательно, Карпов уже открывал глаза. Видимо, «профилактическая мера» за опасную оранжерею.

– Ментальная ловушка? – мигом сориентировался Эйвери, подходя к растерянному Андрею, осевшему рядом со мной на кушетку. – Ты в порядке, мальчик?

Обращался он не к первокурснику, а к Мрачному Демону, на белое лицо которого успели пролечь сизые тени. Еле удержалась, чтобы не схватить его крепко за руку, не поправить растрепанные волосы, – так страшно мне стало. И что это за чертовщина?

– Вполне. Господин Эмбер прав, там только чернота, – хрипло прошептал Карпов и потер раскрасневшуюся скулу. – И путанный лабиринт, из которого нет выхода. Никогда не видел подобной магии, даже в арканском прошлом.

– Кто мог сотворить такое? И зачем? – сосредоточенно крикнул страж.

– Не похоже это на детские игры, Айзек...

– Сдается мне, покушение было вовсе не на мальчишек, – Эйвери взлохматил белый хвост, собранный у затылка. – Не окажись мы рядом, Андрей, твое сознание засосало бы в чертов ментальный лабиринт.

Я глянула на свои руки. Они снова мелко дрожали, теперь уже не из-за снега, а из-за волнения за мое чудовище. Тепло, украденное подушечками пальцев с мягких ламбикурьих кудрей, исчезло. Растворилось в нервном потрясении.

– Пойдемте, – бросил Карпов в мою сторону, поднимаясь с кушетки.

Вид у него был озадаченный и потерянный.

– Куда?

– Туда, – он посмотрел вверх. – Предлагаете мне самому объясняться с Джильбертой?

Восторженно подпрыгнув, я засеменяла за профессором, как будто часы не показывали два часа ночи. В конце концов, ему и самому сейчас не помешает компания. Почему бы не моя?

Арчи был на месте. Сидел, грозно нахохлившись, на подоконнике и недовольно буравил меня глазками-молниями. Мол, как я посмела оставить его в такой торжественный момент, да еще наедине с негодующей мамашей. Впрочем, Джильберты в кабинете не наблюдалась. Выпустила пар и улетела коротать вечер в компании менее проблемных собеседников.

Карпов кивнул на свое кресло у окна, намекая, что я могу расположиться в нем. А сам сбросил пиджак на спинку стула для посетителей, устало растегнул пару пуговиц на рубашке и вышел в спальню.

Блаженство!

Мои пальцы перебирали курчавую, по-детски мягкую шерстку ламбикура (да-да, я помню, что это перья). Кожу щекотало приятными разрядами, по телу расплзалась пьянящая истома. Выброс гормонов удовольствия превысил все допустимые нормы, и я чуть не отключилась от наслаждения.

– Это вообще... пристойно? – выпалила, когда профессор вышел из спальни с бокалом в руках.

Мне он «зелья» в этот раз не предложил. Судя по ехидному взгляду, Демон считал, что с удовольствиями у меня и так перебор. Спорить бы не стала: я действительно тонула в хмельной неге.

– В некотором роде, – хмыкнул Демон, прекрасно понимая мои ощущения.

От этого становилось еще более неловко. То есть они с Джильбертой тоже общаются... вот именно так? То-то он не спешил отлипнуть от ее мохнатого загривка. Грудь кольнуло в порыве ревности. Но, опьяненная гормональным взрывом, я отмахнулась от дурацкой мысли. Вот еще, удумала, к ворчливой курице ревновать!

– Не увлекайтесь слишком, старайтесь делать перерывы и ограничивать себя в... «общении». Оно вызывает сильную зависимость.

– На своем опыте знаете? – пробурчала я, не желая лимитировать блаженство.

– На своем. Это действительно опасно. Можете привыкнуть. Если прерветесь, расскажу, – вынудил-таки меня шантажист оторвать ручки от мягких перьев. – Первые полгода с момента, как я познакомился с Джильбертой, считал, что нет на свете ничего прекраснее, желаннее, приятнее этих... «контактов». Каждую ночь караулил ее у окна, и, если Джи-Джи вдруг не прилетала, впадал едва ли не в наркотическую депрессию. Моя ламбикура никогда не отличилась покладистостью и пунктуальностью... Как вы могли заметить, у нее и сейчас насыщенная личная жизнь.

– О зависимости нет в учебнике... – пробубнила я. – Почему полгода? А что случилось потом?

– Потом я узнал, что в жизни существуют и другие, не менее приятные вещи, доставляющие удовольствие, – вогнал меня в краску Карпов. – А еще какое-то... очень долгое время спустя... выяснилось, что кое с чем по степени наслаждения прикосновение к ламбикуру даже не сравнится.

– Сколько вам было лет, когда случилось «заклучение»? – прошептала я, предугадывая ответ.

– Семнадцать. У ламбикуров есть вполне конкретные критерии для отбора сюзов... Помимо храбрости и силы, их интересует еще кое-что. Это обязательное условие. И о нем тоже нет в учебнике.

– Невинность? – выдавила я из себя, мечтая спрятаться хотя бы под стол.

– Вы невероятно догадливы. Полагаю, ламбикурам важно быть... «первыми», – хмыкнул Демон и недобро глянул на Арчи, свернувшегося в лохматый баклажановый клубок на моей юбке.

Докатилась. Сижу в два часа ночи с мифической птицей на коленях и обсуждаю с академическим чудищем свою непорочность. Или его, давно утерянную?

Карпов глядел на меня странно. Как будто по-новому. То ли считал невинность в восемнадцать с хвостиком скорее недоразумением, чем достижением. То ли... Нет, других вариантов трактовки этого обжигающего взгляда у меня решительно не находилось.

– И да, я не готова обсуждать с вами этот вопрос, – смущенно закашлявшись, пробурчала я и отвернулась к окну.

Ответом мне был красноречивый демонический «хмык» и несколько шумных глотков из бокала.

... Не знаю, сколько мы так сидели. Мир замер, растянув время плавленым сыром, как на полотне Дали.

Точнее, сидела только я, поджав колени и откинувшись на мягкую спинку демонического кресла. Карпов стоял с бокалом, притулившись боком к шкафу и искоса поглядывая, как я запускаю пальчики в собственного ламбикура и жмурюсь от удовольствия. Было в этом мероприятии что-то солнечное, летнее, согревающее... Губы сами собой растягивались в мечтательной улыбке.

Неловкость сменилась ехидным спокойствием. Демон меня больше не ругал. Так что я перестала делать вид, что поправляю юбку и разглаживаю складки, и в открытую терзала лохматое пузо в цвете «баклажан»...

– Мисс Дэлориан... Вам пора... – словно из плотного тумана донесся знакомый густой голос.

Мысли уплывали. Куда мне пора? Зачем? Мое место тут. И я хочу остаться.

– Уже три часа ночи, Анна... – обеспокоенно шептал Демон над моим ухом, ласково поглаживая волосы. – Потом...

– Да-да, потом... наиграюсь... – пробормотала я и провалилась в сладкую, пряную темноту.

Мне снова мерещился запах полыни, сдобренный букетом прочих полевых трав, нагретых полуденным солнцем. Такой знакомый, такой родной. Чужой и мой одновременно. Осязаемый, объемный... Казалось, его можно пощупать. Прижать к себе. Потереться об него щекой...

Что я и сделала. Потерлась. Мягко. Вкусно.

Слегка приподняла веки. Сквозь занавес ресниц проглядывалась только чернота. Она была повсюду, усталая манящим ароматом, и потому не пугающая, а, напротив, умиротворяющая. Черные шторы, простыни, подушка под головой...

Я лежала на постели Андрея, чтоб к нему Джильберта месяц не прилетала, Владимировича. Прямо посередине. Даже по диагонали, я бы сказала. И, что отчаянно не радовало, совершенно одна.

Ни Мрачного Демона, ни лохматого ламбикура поблизости. Бросили одну-единешеньку в логове монстра... Я ехидно ухмыльнулась и потянулась. На кровати вполне хватило бы места на троих. Тем более, Арчи очень компактный парень.

В кабинете было пусто и тихо. На рабочем столе Карпова и подоконнике царил феноменальная чистота. Ни книг, ни крошек, ни серебряного подноса с птичьими лакомствами, ни выдерганных перьев... Есть шанс, что Арчи остался в живых и даже был отпущен на волю.

Но уточнить не помешает.

Перед тем, как спуститься на завтрак, забежала в ученическую ванную. В преподавательскую не рискнула, хотя круглый бассейн, украшенный золотой мозаикой, манил. В дверном проеме столкнулась с «пышногрудой Сюзи». Та смерила меня недоуменным взглядом: мол, что «заучка»-дестинка делает на этаже «зазнаек»? Но потом кивнула и молча уступила проход. Даже знать не хочу, что она себе придумала.

Отражение в зеркале мне решительно не понравилось. Было в нем что-то мрачное. Неужели ночь дежурства меня так измотала?

Глаза казались моими и не моими одновременно... Лицо искривилось, на носу появилась чужая горбинка. Я словно начинала меняться под действием каких-то чар. Странное, пугающее чувство.

Но вот я сморгнула – и все в порядке. Снова помятая, бледная Анна собственной персоной. Хлопает заспанными темно-кариими глазами и пытается собрать черные волосы, беспокойной копной рассыпавшиеся по плечам.

Вот это – я. А до этого – черт знает что...

Жутковато.

Я тряхнула головой и сосредоточилась на непокорных локонах. В пробудившемся «малиновом желе» каруселью кружились мысли. Отравившиеся ребята не давали покоя. Нет, не к добру все это...

Кому пришло в голову отправить первокурсников в «ядовитую» оранжерею? Дело в теплице или в самих мальчиках? Что это – дурацкая шутка, вроде посвящения в студенческое братство, или намек Карпову, что кто-то в курсе его экспериментов с опасными растениями?

Впрочем, это были просто слухи... Мало ли «страшилок» ходит по Академии про Мрачного Демона? Не удивлюсь, если половину он придумывает сам.

Слышала я кое-какие рассказы через пару дней после приезда. Про девственниц-пятикурсниц, чьи сердца он поедает в ночи, чтобы поддерживать репутацию самого сильного мага столетия. И про темные ритуалы с кровью нерадивых учениц, которые он в подземельях проводит... А потом прикапывает растерзанные тела в своих же оранжереях. Удобрения ради.

То-то глициния буйным цветом разрослась!

Что удивительно, ученицы, действительно, порой пропадали. И именно с его специализаций! Потом, правда, находились в других учебных заведениях. Не выдерживали, бедные, «пристального демонического внимания». До сих пор удивляюсь, как сама не сбежала...

Ах да! Мне же некуда.

Да и не дождется!

Мысли вернулись к отравлению... И какому! Кто мог до черноты стереть память первокурсникам? И что, если ментальная ловушка предназначалась профессору, как предположил Эйвери? Могло ли это быть предупреждением? А то и покушением?

Слишком уж много совпадений! Новая теплица – личные владения Карпова на территории Академии... Кража памяти, которую восстановить может только сильный маг-менталист... И путанный лабиринт, из которого нет выхода... Кто мог разыграть столь пугающе продуманную шахматную партию?

Едва я поднесла ко рту вожделенный кусок поджаренного бекона, как с оголтелым хлопком передо мной материализовался морф. Вилка выскочила из дрогнувших пальцев и с предательским звоном упала на тарелку, а самая вкусная часть завтрака улетела под стол. Гадство! И не могут они как-то потише телепортироваться?

Мохнатый почтальон блеснул на меня фиалковыми глазищами, что-то проворчал насчет спины, отзывающейся на погоду, и бросил конверт аккуратно перед моим носом. Получение писем не требовало подтверждения именованным жезлом, что радовало. С некоторых пор я опасалась протягивать ладошку к шерстяным лапкам вредных существ.

Письмо было от Аманды. Украдкой утащив бекон с тарелки зазевавшейся Дженивьевы – надо было заесть стресс, – я с тревожным чувством распотрошила конверт.

Памятуя о суматошном характере моей тетушки, мы с крестным приняли единогласное решение не посвящать ее в мои рождественские приключения. Иначе, велик шанс, одним опекуном у меня стало бы меньше. Либо Аманду хватил бы удар, либо она самахватила бы ударом Артура. И, поскольку моя кровожадность так далеко не распространялась, я продолжала слать ей радостные письма. И скрипеть зубами от ее оптимистичных ответов...

Нет, ну это же надо!

«Милая Энни! На мюнхенском показе волшебных мод я познакомилась с обедневшим, но уважаемым семейством Ланге. Элиас, старший сын Аврелии Ланге, хоть и эмп, но очень перспективный юноша. Приятной наружности, спокойного нрава... А главное – в крови мальчика добрая половина Честеров. Сама понимаешь, Энни, принцы на дороге не валяются. А как звучит – Энн и Элиас Ланге...»

Легкомысленная тетушка, связанная убийственной печатью и знавшая о моей роли в грядущем упокоении целого мира, тем не менее, пыталась устроить мою личную жизнь!

Аманда была не в курсе, что на моей дороге принцы как раз укладывались штабелями. Можно консервы делать «с примесью королевской крови» и отправлять в нуждающиеся страны.

А вот это? Как понимать?!

«С Артуром я уже переговорила и убедила его, что пора подыскать малышке Энни подходящую партию. Правда, он присмотрел другого кандидата. Но я скажу: да что твой крестный понимает в мужчинах? Вот я, побывав замужем пять раз...»

Дальнейшее содержание письма было и вовсе неудобоваримым.

Нет, с принцами надо завязывать. И срочно. Пока из них из всех не остался только один.

Пророчество Лукреции, путанное и пугающее, до сих пор не давало покоя. Как сердце может биться неправильно? Над какой черной водой я должна встать?

И, главное, кто такая Она, выбравшая второго принца? Кто из них опасен для моего? Того... черноглазого, демонической наружности? Разобраться бы, пока не стало поздно.

Она...

Стервозная Джина, соединившаяся браком с Лукасом Кавендишем?

Несносная Судьба, подталкивающая ко мне Елисея Дорохова?

Взбалмошная тетушка, откопавшая в закромах Мюнхена некоего Элиаса Ланге с кровью Честеров?

Джен, Джулия, Мари, Мелисса... Кто?!

Был еще Киван... Но я не могла придумать, кто в здравом уме его выберет.

И Пит... Но этого рыжего гаденыша я надеялась никогда не встретить. Иначе синей рвотой он бы у меня не отделался!

Перебор с принцами. И еще какой.

Предчувствие меня не подвело. Несмотря на волнуемое пробуждение на черных демонических простынях, в остальном день обещал быть паршивым. Хотя бы потому, что на уроке «Существ и сущностей волшебного мира» дриада, спорхнув с облюбованного подоконника, торжественно провозгласила:

– Тема сегодняшнего занятия – морфы! – и, не остановившись на достигнутом эффекте, продолжила: – В древние времена шерсть морфов, их сердца и прочие органы использовались для темных ритуалов. Но сегодня эти полные очарования пушистые создания признаны разумным видом и потому находятся под охраной...

Я тут же вспомнила «Санту», похитившего меня в Рождество, и закатила глаза. Не знаю, чем была наполнена его мохнатая вредная тушка, но точно не очарованием.

– Как вы знаете, Верховный Совет Эстер-Хаза опекает все мыслящие магические виды, к которым из ныне живущих относят ламбикуров, гоблинов, троллей...

Позади раздался громкий хмык: кажется, Энди Макферсон сомневался в разумности троллей. Я обернулась и не сдержала улыбки – котюра залихватски мне подмигнул. Так, как это умел только он, будто бы жмурясь на солнце.

– В былые времена морфы были компаньонами высших магов. Они великолепно ориентировались на местности и телепортировались в любую точку, таким образом спасая своих господ на поле боя... – Марта смахнула облачко изумрудной пыли с плеча и задумчиво улыбнулась. – Но войны, к счастью, окончились. И морфы утратили свою значимость в глазах магов. Кое-кто остался служить представителям древних родов, но большинство подстроилось под современные реалии. Сейчас легче встретить морфа-почтовика или морфа-банковского служащего, чем дворецкого и оруженосца...

Перемигиваться с Энди было интереснее, чем слушать о морфах. Тем более об их способностях к телепортации я знала не из учебника. Бррр!

Макферсон вальяжно «возлежал» на столе, опустив лицо на сложенные руки. После случая с гремучником я прижала дикого зверя к стенке – фигурально выражаясь. Сказала, что в курсе его потомственного дара, отблагодарила за спасение... и тысячу раз попросила обратиться в пятнистого кота и позволить мне себя погладить. Но Энди был непреклонен. Уверял, что плохо себя контролирует, и это может быть опасно.

Но ставлю голден-хаз на то, что парень просто хотел избежать неловкости. Ромул говорил, что одежда при полноценном обороте рвется. Значит, пришлось бы раздеваться... И я почти уверена, что без белой рубашки Энди так же хорош, как и в ней. А мы так некстати решили остаться друзьями... Словом – эх!

– Так вот почему они такие вредные? – пискнула вдруг мисс Вяземская с первого ряда. – Что их недооценивают?

Крошечную «азнайку» было не видать за спинами сокурсниц, но я узнала ее по тонкому голоску.

– И еще потому, что все морфы, находящиеся в услужении у людей, связаны «Кодексом неприкосновения». Он действует с давних времен и скреплен на Высшем магическом уровне.

– Это как? – не удержалась я, и удостоилась потустороннего взгляда мисс Эмеральд, который хоть и осуждал за выкрик с места, но не сильно.

И чего врать? Эти мохнатые мерзавцы меня волновали, и еще как. Стоило познакомиться с «разумным видом» получше.

– Неважно, почтовик он, дворецкий или служащий банка, морф не способен присвоить чужое. Он имеет право взять в лапки лишь то, что ему дают. Посылку, письмо, именной жезл, кошель голден-хазов...

Чью-то вежливо протянутую ладонь... Да ладно? Неужели, не подай я руки Сантариусу, то спокойно бы отмечала Рождество в Пункте Связи, а не бегала в драном платье по заснеженным кочкам?!

– Сами понимаете, «Кодекс неприкосновения» сильно ограничивает таких свободолюбивых, одаренных магически созданий, так что... Меня не удивляет, что морфы-поварята плюют в суп, подаваемый людям.

Вот как знала, что они этим промышляют!

«Кодекс неприкосновения» меня немножко успокоил. Шарахаться от морфов я вряд ли перестану, но хотя бы не буду трястись, что любой мохнатый почтовик может похитить меня среди бела дня. И лапки им больше пожимать не стану – не до вежливости, когда жизнь на кону.

Вечером после занятий я забежала в больничное отделение – проведать мальчишек и убедиться, что неудачное «Темное соединение» сказалось только на Карпове. Окрас у «постояльцев» был вполне человеческий. А кроме потери куска памяти, жалоб не наблюдалось. Словом, первокурсники отделались легким испугом. Моим.

Поднимаясь на свой этаж в мечтах растянуться на мягкой постели с каким-нибудь наименее противным учебником – раз уж на демоническое ложе меня больше не приглашают, – я увидела, что дверь кабинета зельеварения приоткрыта. Щель светилась, значит, внутри кто-то был... Не поздновато ли для занятий?

Внутри змеиным клубком закопошились дурные предчувствия. Если вчера профессору выдали предупреждение, что мешает повторить его сегодня?

И что это я? Будто сама не сдирала со столов зеленую слизь до полуночи! Наверняка в кабинете кудесничает с тряпкой очередной провинившийся. Но я все равно заглянула внутрь: убедиться, что мой Демон не валяется без сознания в луже какого-нибудь малинового желе...

Нет, Карпов был живой и невредимый. Сидел за своим столом, склонившись над стопкой исписанных листов, и шипел что-то злобное сквозь сжатые зубы.

– Слушаю вас, мисс Дэлориан, – не отрываясь от бумаг, мрачно произнес Андрей, чтоб ему пасленов наестся, Владимирович.

Я миновала стройный ряд стеклянных зельеварительных столов. Хрустальные чаши искрились чистотой. На глянцевых поверхностях – ни намека на ползающую слизь. Стало быть, сегодня ограничились теорией...

– Простите, сэр. Я нечаянно, – тихонько прошептала я и присела на стул напротив.

Раз уж я тут случайно оказалась, не помешает извиниться.

– Так... Что вы опять натворили? – напряженно спросил Демон и поднял на меня уставшие глаза. В них развлекались черти, но, скорее, гневные, чем веселые.

Бросив взгляд на стопку бумаг, я легко определила причину «сезонного бешенства». Верхний лист был исчеркан красными чернилами, сверху стояла отметка «Безобразно»...

– Первокурсники? – с ненатуральной жалостью спросила я.

Профессор удрученно вздохнул и пожал плечами, смиренно принимая ежевечернее наказание богов.

– Вы рассказывали, что сделали нечаянно, мисс Дэлориан, – напомнил Демон.

– Заснула. Простите, я не собиралась. Это вышло само собой.

– Да уж догадался, что это была незапланированная акция. Не самое удобное место для ночлега.

Вот тут я бы с ним поспорила. У меня даже было припасено несколько весомых аргументов, но в нынешнем расположении духа он бы их не оценил. Хотя...

– Скорее всего, побочный эффект от пернатого наркотического вещества. Назовем его «Передозировка блаженством», – с упоением острил профессор. – Вы очень крепко уснули.

– Долго пытались меня разбудить?

Живо представила, как Карпов трясет мое обмякшее тело и раздумывает, не облить ли ледяной водой.

– Вообще не пытался. Вы были такой умиротворенной. Вероятно, устали.

– А Арчи... куда он подевался?

– Ах, вот что вас беспокоит! – недобро сверкнул чертями Мрачный Демон. – Опасаетесь, не отправил ли я вашего лохматого приятеля на фарш? Нет, отослал ночевать к мамаше. У меня, знаете ли, не постоялый двор. К тому же она, надеюсь, устроила ему хорошую взбучку и хоть немного отвела душу.

– А вы сами...

– Что «сам»?

– Где спали?

– Дома, – спокойно бросил Карпов, и я с таким недоумением захлопала глазами, что он снисходительно поинтересовался: – Полагаете, кабинет наверху – единственный и последний приют князя Карповского?

Черт, именно так и полагала. Я знала, что в Пункте Связи он никогда не останавливается... Точно, он же князь. Может, еще и замок имеется. Такой, с башенками и длинными темными коридорами, по которым злобной тенью ходит профессор. Заглядывает в подвалы и «над златом чахнет», мечтая избавиться от бесполезной груды драгоценного барахла.

– И о чем вы так глубоко задумались?

– Испугалась, что у вас есть замок и тонна фамильного серебра... сэр, – честно призналась я, потому что на выдумку фантазии не хватило.

– Далось вам это серебро, – сдержанно рассмеялся мужчина. – В «замке» – если мы оба с вами имеем в виду просто очень-очень большой дом с кучей пустующих комнат, непристойно

огромной библиотекой и хранилищем магических артефактов, набитым бесценным хламом, – предпочитает оставаться мать.

Бог мой, да у него и родители имеются. И, наверняка, даже не слишком старые! До чего же глупо и стыдно. Угадав причину моего оторопелого вида, Карпов с издевкой добавил:

– Да, мисс Дэлориан, даже чудовищам, чтобы те появились на свет, необходимы мать и отец. Думал, у вас был курс общей биологии в «Эншантели». Озвучить вам весь список моего имущества? Или будет достаточно сказать, что есть отдельное небольшое жилище, пыльное и запущенное, поскольку мне совершенно некогда там бывать?

– Будет достаточно, сэр, – смущенно пискнула я.

Разговор получался хоть и неловким, но крайне занимательным. И познавательным.

– Простите, что вынудила вас бегать туда-сюда...

– Я не бегал, – Карпов ногтем стукнул себя по ткани рубашки, под которой звякнул уже знакомый мне медальон. – Что-то вы сегодня много извиняетесь. Не к добру.

– Еще один побочный эффект? – миролюбиво предложила я версию.

– Наверное... Пока не выветрился, вот, держите. Отработайте ночлег, – ухмыльнулся Демон и сунул мне в руки безобразным почерком исписанный лист. – Сдается мне, снова французский.

– Не французский, а итальянский, – со знающим видом заявила я, погрузив глаза в неразборчивую писанину. – Свободное сочинение на тему: «Самое опасное растение академических теплиц: обоснование выбора»...

– После вчерашнего происшествия решил, что будет нелишним рассказать первокурсникам, сколько неприятностей может исходить от милых оранжерейных цветочков, – Карпов показательно нахмурил лоб, но я и без того догадалась, что он не про растения. – Что выбрал господин Воланти?

– Вы будете смеяться, сэр, но юношу приводит в ужас мысль о Дуболоме Хлопчатом. Я полагала, это совсем безобидное растение, избавляющее от расстройства желудка и плюющееся белыми ватными шариками.

– Господин Воланти перепутал его с Дубоскалом Бумажнолистным, способным откусить не только пальчик, но и всю пятерню. Отдайте этот бред.

Размашисто черкая пером с красными чернилами, Карпов шлепнул на бумагу кляксу и очередное «Безобразно». А затем сунул мне нового клиента на экзекуцию.

– И что там вымучила из себя эта... мисс Артеми?

– Вот это точно французский. И выбор... необычный. Юную мисс Артеми волнует... – я сделала драматичную паузу, которая была нужна и мне тоже, поскольку первокурсница с наскоку попала в самое больное место. – Ее больше всего беспокоит глициния из пятой оранжереи. Правда, девочка не смогла вспомнить точное название... милого цветочка. Но описала верно – мелкие фиолетовые бутоны, удлиненные соцветия, тонкий гвоздичный аромат...

– Обоснование выбора? – спокойно отозвался Карпов. Даже бровью не повел. Демон!

– Может сами? Тут вполне разборчиво... – вконец смутилась я и сунула листок обратно.

Чертова мисс Артеми. Она очень метко и художественно описала эффект Бурестрастной Глицинии, «вызывающей пожар в человеческих сердцах и толкающей на необдуманные, но тайно желаемые поступки». Я больно прикусила нижнюю губу, потому что ее уже начало покалывать от воспоминаний об одном очень горячем поцелуе. Необдуманном. Но тайно желаемом.

Профессор не стал меня мучить, пробежался глазами по сочинению, хмыкнул и отложил в сторонку. Быть может, первокурсницу ждет неплохая отметка. Но я бы на ее месте сильно не рассчитывала.

– А что вы бы выбрали из растений?

– Ублиум Мортис, – мгновенно ответила я, потому что уже размышляла когда-то над похожей темой. А вчерашняя история с краденой памятью подлила масла в огонь.

– «Корень забвения»? И что же в нем такого страшного, кроме идиотского названия? – Демон фыркнул, явно посмеиваясь над моим «малиново-желейным» выбором.

– Забвение – это страшно, сэр. Стирая ключевые моменты своей жизни, можно потерять кусочки личности. То, из чего мы состоим. Забыть, почему мы стали теми, кто есть...

– Вы плохо читали учебник, – рассмеялся Карпов, но не унижительно, а как-то тепло. Вокруг черных глаз даже собрались пучки обманчиво-добрых морщинок. – В древние времена, до открытия высшей магической хирургии, растение использовалось в медицине, по большей части – в психиатрии. Снадобья на его основе избавляли шизофреников от лишних личностей. Но, чтобы случайно потерять память от Ублиум Мортис, нужно съесть тонны три горьких колючих листьев.

– Простите, я, наверное, опять отвлеклась на занятия...

«Но поскольку отвлеклась я на вас, то сами и виноваты!» – мысленно промычала вдогонку.

– И какие же кусочки вы боитесь потерять?

– Боюсь забыть нормальное детство. Родителей, наш дом в Шартре... Друзей, обычных соседских девчонок и мальчишек, игравших в волшебников ивовыми прутиками... Простые вещи. Как бегала вечером на озеро с пиявками и на спор ныряла прямо в одежде, – кажется, меня понесло, но остановиться уже не могла. – Как рвала цветы в саду одной пожилой дамы и до ужаса испугалась, увидев, что та смотрит из окна и грозит пальцем. Как бежала потом через все дворы, путая следы. Как ездила с родителями на машине на южное море, но плавать в теплой просоленной воде мне не понравилось, а вот закапывать ноги в песок, пропускать его сквозь пальцы...

– А ваш кошмар?

– Его важно помнить. Хоть и не хочется.

– Вы так цепляетесь за человеческое прошлое... – задумчиво бормотал профессор, заглядывая в мои глаза. – Не потому ли, что за шесть лет в «Эншантели» так и не смогли стать частью мира магии?

– Я как Фигаро. Одна нога тут, другая там, – попыталась отшутиться я, но тут же поняла, что Карпов едва ли оценит сравнение. – Уже не чувствую себя своей среди обычных людей... Но и волшебное сообщество относится ко мне с опаской и недоумением. Дестинка, что сказать.

– Не знаю, кто такой этот Фигаро. Но смысл ясен. – Демонический взгляд был таким внимательным и проникновенным, что я поежилась. – Вас разорвало на два мира, и ни один из них не принял целиком. С людьми скучно, с магами сложно...

– Это с вами сложно, – буркнула я. – А с магами... просто непонятно. Я до сих пор не разобралась, как тут все устроено.

– По-идиотски тут все устроено, – недобро вздохнул Карпов, подтверждая мою недавнюю догадку, и сунул мне в руки новый листик с роскошным опусом о вреде Трясучки Египетской Булавовидной.

Глава 4. Исповедь Демона

В воскресенье после обеда ударил такой мороз, что застонали даже покрытые белой корочкой витражные окна Академии. С трудом заставив себя высунуться на порог, я пробормотала стремительно синеющими губами телепортационное заклятье и перед Пунктом Связи материализовалась уже ледяной скульптурой.

Хорошо, что следом перенеслась Джен и впихнула скрипучую и дрожащую меня внутрь. Иначе так и стояла бы, развлекая лежавшие с боков парадного входа сугробы.

Я уселась на ковер у пылающего камина и, чуть задрав юбку, протянула ноги к огню. Пускай растопит лед в сердце, хоть на мгновенье.

Чертов снег!

Теперь он у меня ассоциировался только с той ночью, с той спальней и с тем телом, пахнущим сдобой и навалившимся всей немалой тяжестью... Я чувствовала, как ледяными лапками меня охватывает привычная паника. Дыхание перехватывало, в легких поселилась склизкая квакающая жаба.

Киван Кавендиш. Ты изменил мое представление о настоящих чудовищах.

Чтобы занять руки и мысли, я принялась тасовать карты из стандартной колоды магических предсказаний.

– Погадай мне! – Мелисса упала рядом на ковер. Причем не плюхнулась, как делаем мы, обычные смертные, а стекла грациозным водопадом. Аристократические корни не вымываются даже несчастным детством.

В отсутствии старшего брата, титул леди при рождении унаследовала ее сестра Аврелия. После смерти матушки и тетки Мелисса, хоть и являлась эмпом, тоже получила право на красивую приставку к имени. Но стоило Джулии об этом упомянуть, как та расфыркалась, покраснела и напомнила, что по закону жена теряет свой титул, соединяясь с мужем. Но даже без этого глупого факта Мэл никогда бы не пришло в голову отстаивать свои права зваться леди...

Карты с озорством запорхали в ладонях, намекая, что поддерживают идею. Я разложила пасьянс. По всему выходило, что Мелиссу ждет неожиданная встреча, страшный волк и ночь любви. Едва последняя карта упала на ковер, как раздался тонкий свист и прямо над нами материализовался Ромул. Вид он имел запыхавшийся, но довольный.

– Ах, вот ты где, любовь всей моей полуночной жизни, – страстно зашептал Осворт на ухо Мелиссе, скручивая ее в уютных объятиях.

Ну и дела... Так быстро мои предсказания еще не сбывались!

– Этот ваш супружеский телепорт меня до инфаркта доведет! – проворчала я для приличия и невольно заулыбалась.

Влюбленные миловались у камина, а я перетасовала колоду и принялась раскладывать магический пасьянс на желание. Если карты сойдутся, значит, сбудется. Но на удачу я не рассчитывала, так как запросы имела неосуществимые. Мрачные и демонические.

– Что ты загадала? – вырвавшись из цепких лап озабоченного вервольфа, поинтересовалась Мелисса.

– Да так, ерунду... Вот тоже хочу амулет с функцией телепорта. Надоело у порогов мерзнуть, – на ходу соврала я. – Где бы такой раздобыть?

– Зачаровать на супружеский телепорт можно любой старинный артефакт, принадлежавший одному из древних магических семейств, – Мелисса потерла пальцами серебряное украшение и вдруг коварно заулыбалась. – Но есть обязательное условие!

– Выйти замуж? – предположила я, ехидно щурясь. – Тогда я пас... Да и нет у меня фамильных драгоценностей.

– Мой медальон у меня с детства, – призналась женщина и резко погрузилась. – Ромул просто наложил на него брачное заклинание.

– Он у тебя от мамы?

Жена Ромула редко говорила о юности, я лишь знала, что той пришлось бежать из дома в шестнадцать. Но Карамзина уверяла, что артефакты передаются по женской линии...

– Как-то мать вернулась из фамильного хранилища и принесла три медальона. На них был отпечатан герб Честеров, нашего славного английского магического рода. Мне было десять, моим сестрам четырнадцать и шесть. Мы носили их с гордостью, воображая, как со временем станем выдающимися волшебницами, выйдем замуж за прекрасных принцев и эти медальончики станут нашими супружескими талисманами, – с горькой улыбкой закончила Мелисса, которой магия так и не покорилась.

– Прости, я заставила тебя грустить, – расстроено произнесла я. – А твои сестры... Их мечты сбылись?

– Они обе вышли замуж и овладели магией. Судьба развела нас, когда я сбежала из дома, – замялась Мелисса. – Аврелия, старшая, перестала со мной общаться. Она живет в Германии, насколько я слышала. А с младшей мы переписывались и даже встречались, пока она не... Пока ее... не стало. Она была чудесной девушкой. Изящная куколка, милая пташка. Колибри... Задорная, легкая, слегка суетливая, разве что чуть глуповатая... Но ее все любили, – женщина резко сглотнула какой-то особенно большой ком в горле. – Почти все.

– Родная, не стоит ворошить прошлое. Этим ты причиняешь боль не только себе, – с отеческой заботой произнес Ромул и погладил жену по голове.

Мелисса задумчиво покрутила медальончик и покорно кивнула. А я зачарованно глядела, как на его серебряных гранях пляшет огонь камина. Я видела герб Честеров раньше. Изящный цветок лотоса, в который воткнут красивый меч с резной рукоятью.

– Ты несколько раз упоминала, что твою старшую сестру зовут Аврелия. Но ни разу не назвала имя младшей, – как бы между делом заметила я, разглядывая танцующие на лотосе отблески.

– Здесь его не принято произносить, – пожала плечами Мелисса и нервно прикусила губу.

– Эмилия Честер. Так ее звали, – слышалось прямо позади меня.

– Честер она перестала быть в восемнадцать лет, «ваше высочество», – недовольно пробормотала Мелисса и поднялась с ковра.

Разговор переставал быть томным. Внутри все предательски сжалось. Жена Ромула нервно оправила платье, кинула в стоящего позади меня мужчину испепеляющий взгляд и с гордым видом направилась в сторону лестницы. Осворт виновато пожал плечами, бормоча: «Не бери в голову, Андрей», и ушел следом.

Я тоже поднялась. Медленно, будто все происходящее меня совершенно не волновало, отряхнула измятую юбку. Развернулась... И столкнулась нос к носу с Карповым, разглядывавшим меня с каким-то болезненным, напряженным видом.

– Хотите о чем-то меня спросить? – наконец, поинтересовался Демон.

– Нет.

– Серьезно? Самое любопытное существо на планете, сующее свой милый носик везде и всюду... И вдруг не имеет вопросов?

– Это не мое дело.

– И не их... – Карпов обвел рукой дом, махнув в сторону столовой, где шумно рассаживались миротворцы. За разговором я не услышала, как в дом ввалилась толпа народу. – Но все в курсе. Кроме, разве что, вас. Что удивительно, зная о болтливости Мари... Спросите.

– Я не хочу, – растерянно помотала головой.

– Спросите.

– Мелисса поэтому вас не выносит?

– У нее есть на то все основания. В конце концов, я ведь убил ее сестру.

– Опять врете? – буркнула я и вышла на залитую закатным багрянцем застекленную террасу.

Джулия обустроила здесь зимний сад. Но ее запал давно пропал, так что выжившие растения выглядели довольно чахло. Мне вспомнилась Дворцовая Оранжерея Вяземских. Черт, я ведь обещала Лукреции полить ее плющик! Надо бы найти способ туда наведаться... Должна же быть какая-то солидарность между оранжерейными цветочками?

Растерянно упав в плетеное кресло, я устала на скучный закат. Сегодня он не был красивым и грозил скорыми сумерками. Когда успел наступить вечер?

– Это неправильный вопрос, мисс Дэлориан, – вырвал меня из мыслей демонический голос.

Мрачнее тучи, Карпов вышел следом и плотно притворил за нами дверь. Едва он сделал шаг к стеклу, как солнце окончательно упало за горизонт, и на улице воцарилась темнота. Сумерки опустились на белое поле, заволокли его пугающими седыми тенями.

Профессор сделал неуловимое движение жезлом, и вмиг вспыхнули наружные фонари. Щедро освещенные, сугробы залоснились, будто бы от масла.

– Вы ее любили? – бросила в напряженную спину.

– Нет.

Сердце будто вовсе передумало стучать – так тихо и пусто стало внутри.

– Я никогда никого не любил. Не имел к тому способностей.

– Но она же...

– Что? – Демон порывисто обернулся, с вызовом сдвигая брови и шумно втягивая ноздрями воздух. – Ну?

– Была вашей женой, – чувствуя себя полной дурой, договорила я.

– Вы невероятно наивны. Эмилия тоже была такой. Да и что ждать от восемнадцатилетней девицы, воспитанной «Эншантелью» и дамскими романами? Вам тоже хочется верить в красивые сказки? Когда вы уже поймете, что брак в высшем магическом свете не подразумевает чувств.

– Мне не нравится этот разговор.

– Мне тоже, уж поверьте.

Он подошел, навис надо мной, ухватил за плечи и шумно задышал. А затем резко выдернул из кресла и вдруг в собственническом жесте прижал к себе.

– И тем не менее мы поговорим. Только не здесь.

Не сразу поняла, что нас закружило в вихре телепортации. Я и заметить не успела, когда Карпов дал команду своему амулету. Некогда супружескому талисману чужой женщины. Его жены.

Мы оказались в крошечной, неудобной тьме. Ко всему прочему, еще и ледяной. Хотелось верить, что мы перенеслись не на какое-нибудь кладбище.

Карпов неспешно выпустил меня из внеплановых объятий, я сделала шаг назад и уперлась в холодную ровную стену. Под ногами со скрипом промялся паркет. Мы были в чьем-то заброшенном доме, и я почти догадалась, в чьем...

«Отдельное небольшое жилище, пыльное и запущенное, поскольку мне совершенно некогда там бывать».

Исчерпывающая характеристика. Кажется, Демон, чьи глаза задумчиво поблескивали напротив, пригласил меня в гости.

– Тут холодно, – все-таки рискнула пожаловаться я.

– Мы здесь ненадолго. Потерпите.

Я обхватила руками плечи, намекая, что и за минуту задушевной беседы успею задубеть. Здесь лет сто не топили. И столько же – не прибирали. Это выяснилось, когда Карпов отправил в сторону гостиной световой шарик, и я узрела плантации пыли на книжных полках. Пожалуй, скромного освещения достаточно. Иначе не смогу побороть желание схватиться за швабру и навести тут порядок.

– Почему мы покинули Пункт Связи?

– Потому что мне нестерпимо захотелось оттуда уйти.

– Со мной? – прошептала растерянно.

Глаза окончательно привыкли к полутьме. Из нее проступало мрачное лицо. Напряженные, ярко выраженные скулы. Задумчиво сведенные брови. Жесткие, чуть растрепанные волосы, упавшие на лоб.

– Именно так.

Демон приблизился и оперся ладонями о стену по обе стороны от меня. Похоже, выходить из коридора, в котором материализовались, мы не планировали. Не слишком-то он гостеприимен...

– К чему этот разговор, профессор?

От обманчивой близости и запаха полыни у меня перехватило дыхание. Сердце оголтело заколотилось, гулом отдаваясь в ушах. Уверена, Карпов его тоже услышал.

– Вы должны понимать, с кем имеете дело. И не питать иллюзий. Потому что я действительно чудовище.

– Вы недавно интересовались, почему я ненавижу свадьбы и прочие великосветские торжества, – забормотал Карпов еле слышно, склонившись над самым ухом. – Почему меня раздражают брачные обряды...

Встроенное в меня любопытство вдруг отключилось. Чувствовало, что новые знания принесут лишь страдания.

Я бы с большей охотой просто помолчала, омываемая теплым, щекотным дыханием. Зажатая у стены во вполне уютный демонический капкан. В такой ловушке и жертвой побыть приятно. Но по напряженному голосу Демона было ясно, что он не отстанет. Впервые за долгое время он действительно хотел поговорить. Открыться. Мне.

– Вы упоминали, что тот день не стал для вас счастливым, – сдалась я и повернула лицо к Карпову.

И тут же начала тонуть в черном омуте, захлебываясь жгучим кислородом и хватаясь за буйки, остервенело подбрасываемые мне сознанием. «Мы тут, хозяйка, вообще-то информацию добываем. А не на мужика таращимся, как на невидаль какую», – заворчал скрипучий внутренний голос и отвесил мне отрезвляющую пощечину. Я отвернулась.

– И, увы, не только для меня, – Карпов, не зная о моих метаниях, продолжил нестерпимо щекотать теплым дыханием кожу на шее. – Впрочем, моя милая супруга далеко не сразу поняла, что вместо принца из красивой сказки получила монстра. Едкого, эгоистичного, самовлюбленного, жаждавшего сорвать на ней свою злость. Я не просто не смог сделать ее счастливой, мисс Дэлориан. Я не захотел.

С судорожным вздохом он отстранился от меня, бросив в холодной пустоте, и сделал пару шагов назад, упершись спиной о противоположную стену. Мы стояли, словно на боксерском ринге. Молча и прожигая друг друга растерянными глазами.

– В первый день нашего знакомства вы назвали меня высокомерной сволочью. Увидели это с самого начала и всегда были правы. Я такой, сколько себя помню, – он пожал плечами, принимая свое прошлое как данность. – В юности был своевольным, заносчивым подонком. Развлечения ради сопротивлялся родительской воле... Единственный наследник Владимира Карповского. Молодой князь. Это кружило голову и намекало на вседозволенность. Отноше-

ния с девушками меня мало интересовали – во всяком случае, серьезные и долгосрочные. Я никогда не влюблялся и был уверен, что вовсе не способен на чувства такого рода.

Карпов запнулся, окинул меня беглым, задумчивым взглядом с головы до ног, и, покачав головой, отвернулся к пыльным книжным полкам.

– С друзьями – Ловеттом и Кесслером – мы увлеклись темной материей. Тайно исследовали ее, брали у арканов редкие книги, баловались запретными заклинаниями, – он говорил мерно, спокойно, будто цитировал заученную книгу. – Отец – жесткий, строгий человек – какое-то время смотрел на эти развлечения сквозь пальцы. Но потом его терпение кончилось. За неделю до моего магического совершеннолетия он заключил с Честерами магический брачный контракт. Договор, скрепленный кровью глав семейств... Это серьезная вещь, Анна. От него нельзя отказаться или увильнуть.

Он снова повернулся ко мне, и за его видимым спокойствием мне почудилось пламя. Адское, яростное, облизывавшее Демона изнутри жгучими языками.

– Не успел опомниться, как стоял перед алтарем с Эмилией – абсолютно незнакомой девушкой из чужой страны. Мне было столько же лет, сколько сейчас вам, а ей – и того меньше, – лицо Андрея окрасилось гневом от неприятных воспоминаний, настолько живы они были внутри. Голос зазвенел. – Я пришел в ярость! Чуть не взорвал храм и не испепелил чертовых гостей. Тот душный летний день... Он перечеркнул все, чем я увлекался, о чем мечтал. Я стал чьим-то мужем. По суровой прихоти консервативного папаши, восторгавшегося чистой королевской крови. Возненавидел и его, и Эмилию – просто за то, что она встала на моем пути. Хотел лишь одного – навсегда вычеркнуть из своей жизни обоих.

Не в силах выдержать поединок взглядами, я сбежала от его глаз и принялась рассматривать интерьер гостиной. Хозяин бывал тут редко. И, судя по всему, его маниакальная требовательность к себе никак не распространялась на порядок в доме.

Помимо потертого кожаного дивана невнятного оттенка в комнате стояло мягкое кресло, придвинутое к камину, и небольшой кофейный столик. Почти всю стену занимал шкаф со стеклянными дверцами, забитый книгами. Кипа старых, бесценных томов лежала прямо на полу, покрытая сантиметровым слоем пыли и готовая от одного взгляда рассыпаться в прах.

– Как вы уже поняли, это не была счастливая история любви из тех, о которых пишут в дамских журналах. Ее жизнь со мной стала сущим кошмаром, и я тому способствовал.

Голос Карпова совсем охрип. Он будто выдавливал из себя слова, заставляя изливаться накопленный годами и причиняющий боль яд.

– Я намеренно издевался над бедной девушкой. В общении был с ней груб. А бывало, что целыми днями не замечал. С первого дня игнорировал свои, скажем так, супружеские обязанности. Иногда неделями не появлялся дома... Иногда приводил шумные компании друзей... И женщин... Разных... Грязных, темных, развращенных...

– Прямо в дом?!

Мои кулачки непроизвольно сжались, стоило представить себя на месте несчастной девушки, угодившей в болото супружеской жизни с монстром.

– Да, вы все верно поняли... – устало бросил Карпов и потер переносицу. – Прямо на супружеское ложе. Тогда это казалось весьма символичным. Я мстил отцу. Выражал свое несогласие, как умел. Но страдала Эми.

Рот наполнился горечью, я нервно слотнула и прикрыла глаза. Что бы сделала я на ее месте? Подстерегла бы обоих? Убила? Спалила бы прямо в постели, вместе с домом и горькими воспоминаниями?

– Не могла же она спокойно это сносить... – с трудом просипела, не глядя на Демона. Перед глазами все еще стояла полыхающая кровать со сплетенными на ней обнаженными телами.

– Вы удивитесь, упрямая мисс! – нервно рассмеялся Карпов. – Она сносила это безропотно. Тихая, покладистая, легкая, изящная. Милая кукла, оранжерейное создание... Истинная воспитанница «Эншантели». Мадам Буше была бы довольна! Едва ли Эми умела за себя постоять. Ее забыли научить, как давать отпор и ставить на место зарвавшегося мужа.

Я вспомнила годы в парижской школе, проведенные за варкой конфитюров и чисткой серебра. Уроки великосветского этикета, танцевальные занятия... Все верно, ломать носы чудовищам нас не учили.

– Истинной жертвой обстоятельств была Эмилия, а не я, – прервал мое путешествие по волнам памяти профессор. – Но она... Право слово, я не понимаю до сих пор, как это возможно... Она умудрилась меня полюбить.

Пауза затянулась.

Мои плечи начали покрываться ледяной коркой из столпившихся на коже мурашек – так зябко было в месяцами нетопленном доме. Как Карпов тут ночевать умудрился, уступив нам с Арчи свою постель? Или Мрачные Демоны не мерзнут?

– Персональный ад, который я для нее организовал, продолжался почти год, – продолжил мой невеселый собеседник и вдруг стал расстегивать рубашку. Ему что же, жарко? – А потом... Я по дурусти попал в серьезную передрагу.

Пальцем подцепив серебряную цепь, он вытащил медальон и опустил поверх черной ткани.

– Во что вы вляпались?

– Впервые меня с друзьями пригласили на тайное собрание верхушки арканов в Лондоне. Нам позволили наблюдать за ритуалом посвящения в элиту Братства. В тот день маги-миротворцы решили разворошить муравейник. Захмелев от восторга и вина, мы не сразу заметили облаву... Старейшины легко ушли, оставив юных адептов на растерзание. Я никогда раньше не видел таких битв. Копоть, кровь, дикие вопли... Растерзанные тела таких же, как мы, идиотов, сражавшихся за чужие идеи.

– О господи...

Я задрожала. Одно дело, знать в теории о войне в магическом сообществе, а другое – слушать о реальных битвах.

– Погибли десятки людей с обеих сторон. Я был серьезно ранен, но чудом смог уйти... Издевка Судьбы: меня спас супружеский телепорт. Я перенесся в дом и упал на руки жене, весь в крови и без сознания.

Все время, что говорил, Карпов мял в руке медальон, нервно оттягивая цепочку и оставляя на шее красные следы. Я давно поняла, что он сделал из него телепортационный амулет и зачаровал на перемещение в несколько мест. В дом, в Пункт Связи... Но не могла и предположить, что когда-то древняя безделушка исполняла роль супружеского талисмана, связывавшего в пространстве княжескую чету – Эмилию и Андрея Карповских.

– Она позаботилась о вас? – с надеждой прошептала я.

– Я бредил и был едва жив. Лекарей вызывать было нельзя... Эми все понимала. Она была не такой уж и глупой, как думает Мелисса. Две недели жена от меня не отходила, – желваки заходили на демоническом лице, в голосе появились рычащие нотки. – В те дни и ночи многое поменялось. Я пообещал, если выживу, завязать с арканством. Наши отношения потеплели. Я стал смотреть на жену с трепетом, уважением, благодарностью.

– И?

– И все. Главного я дать ей не смог. Демонам не дано любить.

Карпов потрянул головой и мрачно уставился на меня, будто ожидая, что я начну его убеждать. Я бы могла, но... Мои методы казались неуместными в сложившейся ситуации.

– Она была мудрой девушкой. Однажды сказала: «Не мучай себя. Ты не любишь, я знаю... Но зато можешь стать мне другом». Так и получилось, – он устало выдохнул, будто испытал

облегчение, «сцедив» накопившийся внутри яд, отравлявший все его бытие. – Но этому браку, и без того не слишком счастливому, не суждено было продлиться долго. Эмилия подхватила странную волшебную хворь – неизвестную и смертельную. Я перепробовал все виды медицины, какие знал. А потом изучил новые... И еще... Но не смог ее спасти.

– Вы выяснили, чем она болела? – робко перебила я.

– Магией.

– Разве такое возможно?

– Без понятия... Впервые такое видел. Она была слабой волшебницей, «дикая капля» раскрылась не полностью. Три сестры, но такие разные. Аврелия родилась сильной магессой, Мелисса – эмпом... А Эми была чем-то средним, – Карпов пожал плечами. – Когда я понял, что ее убивает не яд и не болезнь, а сама магия, то попытался излечить от паразита, поедавшего юное тело.

– Магическая хирургия! Вы хотели изъять из крови «дикую каплю»? – догадалась я с неуместным восторгом в голосе.

– Именно так. Не запереть, не приглушить. Вытащить насовсем. Примерно так же, как достал из вас яд гремучника, – ребра тут же заныли от неприятных воспоминаний. – Но ничего не вышло. Капля сопротивлялась, а моего дара оказалось недостаточно. Я растратил весь резерв, сам был едва жив, но... страдания Эми прошли впустую. Мне оставалось лишь смотреть, как она угасает, не способная жить с магией внутри. И винить себя в том, что за свою короткую жизнь моя супруга так и не узнала, что такое быть счастливой... и любимой.

– Бывает, что люди просто не предназначены друг другу, – тихонько заметила я, рискуя вырвать его из воспоминаний и прервать исповедь. – Как вы можете винить себя за отсутствие чувств?

– Забавно... Эмилия говорила те же слова, – ответил Карпов. – Меня преследует мрак, мисс Дэлориан. Я не способен приносить счастье. Я уже загубил одну невинную жизнь, желавшую красивой сказки. Второй раз я этого не повторю. Я не посмею испортить...

– Перестаньте!

– Я и так чуть не стал причиной вашей... – Карпов тряхнул головой, и жесткие волосы застелили лоб. – Мне следовало делать то, что должно.

– Замолчите... – стало невообразимо горько. – Все ведь обошлось!

– Анна... – Он прикрыл черные глаза и несогласно качнул головой. – Вы на улицу выйти боитесь. Думаете, я не замечаю, что снег вызывает в вас панику? Что с Пандоры в тренажерном уже лоскуты слезают? Что у вас руки дрожат, когда вы погружаетесь в воспоминания, полагая, что никто не смотрит?

– Ну и что? Страх уйдет. Это временно...

– Я постоянно думаю... – пробормотал Карпов еле слышно. – Не могу не думать...

Он сделал два шага вперед и протянул ладонь к моему лицу. Зачарованно подцепил прядь с щеки и медленно отвел в сторону, поглаживая шершавым пальцем скулу.

– О чем? – хрип, изданный моим ртом, был вовсе нечеловеческим.

– Что, если бы я не успел? Не нашел бы вас в том снегу?

Его теплая ладонь на мгновение накрыла щеку, согревая кожу.

– Что, если... Если бы Кавендиш не ушел из той спальни?

Горячие пальцы отстранились от моего лица, и Демон отошел к своей стене.

– Во всем, что с вами случилось, только моя вина. Я и есть мрак, Анна.

– Вы не мрак, Андрей... Владимирович, – борясь с желанием придушить вредного Демона, прохрипела я. – Вы идиот.

– Что? – он картинно хлопнул длинными ресницами, будто всерьез не расслышал.

– Вы – идиот, – медленно, громко и разборчиво повторила я.

Черные глаза напротив опасно сузились. Ладно, с идиотом я перегнула. Дважды. И, кажется, склянками в подвале уже не отделаюсь...

Демон шагнул ко мне, явно желая возразить. И вдруг вместо холода тело окунулось в незнакомый, пугающий жар. Душащий, яростный, обжигающий до самых легких. Чувство, будто сунулась по неосторожности в пламя разведенного камина.

Андрей резко отшатнулся от меня. Так, словно его тоже обдало горячей воздушной волной, опалив кожу. Он стремительно развернулся и в несколько шагов скрылся в чернеющей арке. Я бы предположила там кухню.

Дав ему пару минут перевести дух, я поспешила следом. Что за чертовщина?

Демон стоял в темноте у раковины, мокрый и дрожащий. Я была тоже не прочь умыться ледяной водой – внутренности до сих пор горели.

Трясущейся рукой он плеснул на дно стакана какую-то янтарную муть и залпом выпил. Глянул на меня как-то странно. Затравленно. Обреченно.

Подошла ближе, хотела отвести мокрую прядь со лба – но Андрей отшатнулся, как от мифической гидры. В глазах его был неподдельный ужас. Да что ж такое-то?! Не такая уж я и страшная...

Минуту спустя решила на вторую попытку. Медленно, осторожно, словно работала в службе отлова магических тварей и наткнулась в лесу на совершенно дикий экзотический экземпляр, я потянулась к нему рукой. Он настроженно ждал.

Ладонь коснулась бледной кожи, смахнула капли с гладковыбритой щеки, скользнула на шею. Карпов не отпрянул. Замер загипнотизированным кроликом. Кажется, даже дышать перестал.

Я подалась вперед, приподнялась на носочках и накрыла его губы своими. Вот так. Я пришла сама.

«Экзотический экземпляр» оказался не таким уж и дремучим. Быстро разобрался в ситуации.

Меня обхватили руками и притянули к себе, оторвав от пола. Прижали к теплему дрожащему телу в мокрой черной рубашке. Бережно, но крепко. Так держат новорожденного котенка, опасаясь упустить, выронить или повредить лапку.

Губы снова окунулись в пламя, но это было ласковым, не жгучим. Демон поцеловал медленно, нежно, сжимая аккуратно, будто я была фарфоровой статуэткой, трижды разбитой и трижды склеенной. Изящной куколкой из тончайшей керамики, сломанной грубым ребенком, но заботливо восстановленной добродушным мастером. И от любого неосторожного движения рассыпалась бы на сто кусочков...

Меня нельзя было сломать. Но и не поцеловать... тоже было нельзя.

Это было так приятно, что я, к стыду своему, тихонько застонала прямо в демонический рот. Если он оборвет поцелуй, я тотчас же его придушу, избавив нас обоих от страданий. Предначертанных дурой-Судьбой и даже троллю понятных.

Но Демон не останавливался. Искусал трепетными касаниями, купая в волнах шемящей нежности... Ласкал горячей ладонью плечи, приглаживал волосы, катался подушечками пальцев по затылку... И все время прижимал к себе – мягко, бережно, укутывая в тепло и заботу, словно в пушистый плед.

Сердце пламенело. С каждым прикосновением – умелым, аккуратным – лед внутри таял. Исчезал облачком пара. Я согревалась Снегурочкой, с разбегу прыгнувшей через костер, – опасно, но так... неотвратно.

Теперь я знала, как выглядит гармония. Как она ощущается. Как она оживает. В уютном сплетении двух тел. В непонимании, где заканчивается твое и начинается чужое. В блаженной неге от лучших в мире объятий.

А еще – в теплой ладони, лежащей на плече как влитая. Будто эти руки были выкованы в небесной кузнице специально для моего тела. По эксклюзивному заказу. Интересно, чем я заслужила такой подарок свыше? Могла ли это быть компенсация за «причиненные неудобства» по вине проказницы-Судьбы?

Я растворялась в моем Демоне. Таяла, тлела... Рассыпалась осколками с каждым прикосновением настойчивых губ, и тут же собиралась вновь. Разлетаясь мириадами искр с гудящим звоном в районе солнечного сплетения. Я будто находилась внутри колокола... В голове – пьяный шум, в теле – полная дезориентация пополам с блаженством... Не прижимай меня Андрей к себе, давно бы рухнула на кухонный пол. Вот бы он надо мной посмеялся!

Я бы не удивилась, если бы кто-то сказал, что с нашего разговора на террасе Пункта Связи прошла вечность. Не метафорическая книжная, а самая настоящая. Что сменились поколения. Истлели леса и выросли вновь. А мы так и стояли, прижав губами друг к другу, примагнитившись каждой частичкой, не в силах оторваться...

Но вечность закончилась – со свистящим выдохом из демонического рта. Он отодвинул меня слегка, окинул лицо мутным взглядом. Затем, поразмыслив, снова смял мои губы в мимолетном, ласкающем поцелуе. И, наконец, отстранился совсем, выпустив из рук и вернув твердую почву под ногами.

– Для вас будет лучше, а для меня – правильнее, если этого больше не повторится, – хрипло прошептал Андрей, пронзая черными агатами. – Надо вернуться в Пункт Связи, пока Артур вас не хватился и не послал десяток миротворцев на поиски.

С мыслями о том, какой же дремучий мне все-таки достался экземпляр, я кивнула и послушно прижалась к профессору, позволяя вернуть себя туда, откуда взял. Стряхнуть пыль с потертой керамики, бросить прощальный взгляд на расстроенное личико неправильной куклы и поставить на место. На самую дальнюю полочку.

Глава 5. Чудеса маскировки

Нет, ну каков...

Демон, одним словом.

Ко всему прочему, еще и идиот. Гремучая смесь.

После откровений в пыльном холодном доме и сладкого, полного шемящей нежности и отчаяния поцелуя, я была сама не своя. Пункт Связи покидала так быстро, что пятки сверкали ярче сугробов под фонарем. Мелисса окрикнула у самого порога, крестный вышел из кухни и что-то хотел спросить... Но я не остановилась.

Это было самое настоящее бегство. От горькой реальности.

Добежала я аж до подземного озера. К моему счастью и удивлению, дверь снова была не заперта. Меня радушно приглашало место, в котором положено прятаться, думать и переваривать «неприятные известия» и «трудные ситуации».

Сердце металось в грудной клетке и не находило себе места. Кое-что мне точно нужно было переварить. И понять, в какие «тартарары» на всех порах катится моя недавно такая скучная жизнь.

После поцелуя – такого нежного, ласкового и спокойного, лучше которого на моей памяти не было, – губы приятно покалывало. Не хотелось расставаться с этим ощущением.

Если Карпов не врал и игнорировал обязанности супруга... Получается, Эмилия умерла невинной. Целовал ли он ее хоть раз? Знала ли она, какие мягкие и властные у него губы?

Если арканам взбредет в голову снова меня похитить и распотрошить на жертвенный алтарь, то хотя бы нецелованной не умру. О большем мечтать не приходится.

Как же все-таки обидно... За нас обеих.

Но просто так сидеть на камнях и горевать я не собиралась. У меня было дело. Точнее – идея... Наш подопечный в икринке вот-вот «вылупится». И, судя по размерам, аквариум существу понадобится большой.

Пришло в голову, что лучше места для него не найти. Сама Судьба – спасибо, дорогуша, – привела меня к этому мерцающему озеру.

Для начала нужно было получше исследовать водоем. Я даже пробирку захватила и биотесты (позаимствовала с отделения «управления природными магическими ресурсами»). Посмотрим, насколько местная среда безобидна и пригодна для обитания.

Я спустилась к самому берегу и зачерпнула в пробирку воды. Потрясла в воздухе, но тестовую полоску на кислотность опустить не успела. Так и замерла с открытым ртом, глядя на стеклянную емкость. Которая светилась.

Это еще что за новости?

Я-то думала, в дно встроены магические прожекторы... А на самом деле, светится сама вода.

– Это сияющая материя. В сильно разбавленной, слабой концентрации, – тоненьким голоском ответило мне каменное плато, разместившееся в середине озера. – Аврора умела управлять ей, выуживать из пространства...

Мило. Либо у меня началась шизофрения, либо мой внутренний голос изрядно пискляв... Либо в Академии есть призраки помимо господина Вортингтона.

– Поня-а-а-атно, – с показным спокойствием протянула я и прищурилась.

Нет, на плато никого не было. Голоса в пользу шизофрении резко подскочили вверх.

– Это непростое озеро, – таинственный гость, он же вымышленный друг, пискляво расмеялся. – Оно скрывает много тайн.

– Например, тебя? – наобум ткнула пальцем в небо.

– И меня тоже, – призналось невидимое Нечто. – А еще оно создает насыщенный магический фон внутри и вокруг Академии. Питает лес, оранжереи... Даже деревне кое-что перепадает. Для существ вроде меня – идеальное место...

– «Вроде тебя»? Может, выйдешь из тени и мы познакомимся?

– А мы уже знакомы! – рассмеялось Нечто совершенно уже нагло и заливисто. – Ты потонуть собиралась. А я тебя вытащила. Не помнишь?

– Помню, – выдохнула я и начала думать в сторону призрака. Вымышленные друзья от утопления не спасают. А вот духи – вполне. – Ты привидение?

– Вот еще! Из прозрачных здесь только Родж. Но кое-что общее у нас с ним есть... – голосок казался девичьим, почти детским. – Оба заперты в Усадьбе Воронцовых на веки вечные. Из лучших побуждений Авроры Мудрой.

Раздался оглушительный «бульк», и столб брызг взметнулся в метре от плато. Вода забурлила вблизи берега. И через миг из нее выглянула макушка, увенчанная странным гнездом, сплетенным из сотни мелких бирюзовых косичек. Следом появились тонкие, приподнятые удивленными «домиками» рыжие брови. За ними – такие же огненные ресницы, обрамлявшие сочно-аквамариновые глаза. Смеющиеся, жизнерадостные и совершенно детские. И без того необычное личико украшала россыпь веснушек на бледно-салатовых щечках.

Совсем девочка. Лет тринадцати... Не старше наших первокурсниц. Вся ее кожа была покрыта мелкими, едва заметными чешуйками. В свете воды они давали странные отблески... Жительница озера будто мерцала, то исчезая, то появляясь вновь.

– Они делают тебя невидимой? – я присела, протянула руку и коснулась прохладной чешуйчатой кожи.

– Вовсе нет, глупая! Просто отражают свет и настраивают магическую оптическую иллюзию, – гордо пропищала девочка. – Маскировка!

– Слова-то какие! «Оптическую иллюзию»... Сколько тебе лет, что такая умная?

– Не меньше двухсот пятидесяти, а тебе? – наглое, но симпатичное существо явно наслаждалось моим ошеломленным видом. – Роджер иногда таскает книги из библиотеки. Все равно тут больше нечем заняться...

– Да кто ты такая?!

– Русалка... – обиженно протянуло великовозрастное дитячко, по пояс вынырнув из воды и опасно тряхнув гнездом из косичек. – Не заметно?

– А разве у вас не должно быть... Кхм... Ну, ракушек... Эмм... Вот здесь?

Я описала два круга сильно выше живота и зарделась от смущения. Судя по недоумевающему личику, мультик про Ариэль в моей жизни был явно лишним. Что касается «этого самого места», то девочка-старушка была и там покрыта светоотражающими чешуйками. Если она и была голой, этого никто не видел.

После недолгих уговоров Атарина – именно так звали веснушчатую русалку – согласилась продемонстрировать мне свой хвост. Правда, я почти тут же пожалела о своей просьбе: девица так хлестнула им по поверхности озера, что устроила мне внеплановый душ. И теперь, заливисто смеясь, плескалась в районе каменного плато.

Я же отплеывалась от сияющей материи – мой внутренний магический фон и без нее вполне сносный – и размышляла о неожиданной обитательнице моего «идеального водоема». Смогут ли они ужиться с существом из икринки? Не станут ли опасными друг для друга? Вдруг наш постоялец питается русалками? А то и вообще – людьми?

Надо обязательно найти способ поехать в Эстер-Хаз. Слишком беспечно полагаться на русский авось, как тут принято. Мало ли сюда случайно забредет первокурсник и тоже решит искупнуться? Дверь, вон, вообще не запирают! А ученики нынче пронирыливые пошли. Даже

до демонической оранжереи среди ночи дотопали. Жаль, что совсем не помнят, как именно. И зачем.

Если бы не жуткий ментальный лабиринт и кража памяти, я бы решила, что ребята сделали это на спор. Серьезное испытание – пробраться в новую оранжерею самого Карпова и утащить целебные цветочки из-под его мрачного носа.

Вполне достойное для вступления в какое-нибудь тайное братство...

Учебная неделя началась тяжело. Во втором полугодии упор делался на практические занятия, и магических спаррингов в расписании прибавилось. А в отсутствие Белинды шансы, что тренировки будет вести не Карпов, сократились до пятидесяти процентов.

И сегодня были другие «пятьдесят».

Демон с невозмутимым видом кивнул мне и трем десяткам прочих учеников и вышел в центр арены. Как нам теперь общаться? Как смотреть друг на друга? А ведь вечером еще и на дополнительное занятие топтать...

Я размеренно выдохнула. На спаррингах, которые ведет Демон, всегда есть вероятность пасть смертью храбрых. На нее и будем уповать. Поставит против Сюзанны, и она красивой кляксой размажет меня по гляцевому синему полу. Пару дней проведу в медпункте, в тишине и прохладе – ну чем не мечта?

– Времена нынче темные, – вдруг произнес профессор, вырвав меня из радужных фантазий. – Нет гарантии, что уже завтра вы не столкнетесь с противником, во много раз превосходящим вас в мастерстве. Чтобы выжить, важно изучить приемы самообороны – физической, магической и коллективной.

Карпов вышел из синего круга и приблизился к кучке девиц-«зазнаек».

– Что вы станете делать, мисс Бэггинфорт, если встретите сильного мага... вроде меня?

Сюзанна что-то еле слышно пробормотала и растерянно улыбнулась. Слов я не разобрала, но Демон насмешливо фыркнул.

– Вот сейчас и проверим, как у вас это получится. Сегодня вы будете драться не друг с другом, а со мной, – приговором прозвучало из язвительного рта. – И да... Не бойтесь меня ранить... Выкладывайтесь на полную мощность. Не вы первые, не вы последние. Мисс Вяземская, на арену.

Низенькая девица с тугой каштановой косой почти до пола робко пошла в сторону синего круга. Она заметно тряслась и находилась в полуобморочном состоянии.

Ах нет, уже в обморочном. Не дойдя до спарринг-площадки, она тихонько завалилась на бок и осела на пол.

– Вот как? Гениальное решение! – захохотал Карпов, как мне показалось, вполне искренне. – Я не учел этого момента, но для некоторых падение в обморок – вполне недурной способ самозащиты. Мисс Вяземская, вы изображаете смерть? Эффектно, эффектно...

Дежурившая у стены госпожа Пламберри поспешно подошла к упавшей девушке. Последнее время Мари не пропускала опасные поединки под руководством Карпова. И, видит бог, не зря.

– Мисс Пруэтт, подмените сокурсницу?

Присцилла хищно улыбнулась и боевой походкой направилась к арене. Она даже чуть покраснелась от предвкушения, как будто спрятала за щеки пару красных лампочек. Маньячка.

Пока она воинственной гидрой летела навстречу Карпову, я даже приревновать успела. Демон всегда выделял Присс среди учениц. А если совсем честно, она единственная получала от него черные камни чуть не на каждом уроке.

Вот возьму и утоплю «зазнайку» в тазике, когда будем купать икринку. Нечего тут... вилить... этим самым своим, изрядно объемным и округлым.

Пока я размышляла, как гуманнее разобраться с Присциллой, она успела запустить в Карпова три крепких заклятья подряд. От двух он отмахнулся, третье скальпелем резануло по щеке. Струйка демонической – а на вид вполне человеческой – крови стекла по скуле на шею. Я ахнула и решила, что гуманных методов будет недостаточно.

– Неплохо, мисс Пруэтт, – похвалил профессор, бросив дьяволице очередной агат. – На будущее: против превосходящего по силам противника акцент стоит делать на защиту, а не нападение. Вы можете забыться в азарте сражения, увлечься битвой... и проиграть. Потому что Темный Мастер всегда имеет в рукаве несколько запасных вариантов.

Присцилла выглядела довольной. Еще бы – до сих пор только троллям и лавасилискам удавалось пустить кровь академическому чудовищу... Которое вдруг развернулось ко мне, заставив дурное предчувствие закопшиться в животе. Ох... Так, как Присс, я не умею!

– Со следующего занятия мы начнем тренировать коллективную оборону, – продолжил Карпов, не сводя с меня внимательных черных глаз. – Соединив три-четыре жезла, вы можете получить сверхзаклятье. Такой щит будет в разы крепче обычного и позволит прикрыть спины младших учеников во время отступления. Ваша задача в случае битвы – не драться, а безопасно отходить в убежище. В подземные помещения.

По спине пробежал холодок. Андрей так серьезно говорил о действиях при нападении, будто был уверен, что оно состоится в любой момент. И он был прав... Крестный объявил войну арканам. А самое его уязвимое место – мы. Ученики.

– Но что делать, если противник оказался слишком близко, и путей к отступлению нет? Мисс Дэлориан, вы ведь не упадете в обморок, если встанете рядом? – Карпов хитро прищурился, а мне вспомнилось вдруг, как я чуть не грохнулась на его кухонный пол, разомлев от поцелуя. – Поднимайтесь. И уберите пока палочку...

Как это убрать? Присс он позволил атаковать, а я что же – груша для битья? Но вид профессор имел серьезный, так что я покорно спрятала жезл в задний карман.

– Итак, очень сердитый, страшный и сильный маг стоит в метре от вас. У него в руках палочка, у вас – нет. Что будете делать? – Демон игриво поднял бровь. Не будь мы посреди чертовой арены, заключенные в кольцо из учеников, я бы решила, что он флиртует. – Только не сдерживайте себя, умоляю.

Я замешкалась. Вот он сейчас на что намекает?

– Воспользуйтесь своими сильными сторонами.

Ну нельзя же вот так, с места в карьер...

– Мисс Дэлориан, я собираюсь вас убить! – выкрикнул Карпов, сдув дыханием волосы с моего лица.

Карпов навел на меня палочку, на конце которой беспокойно искрилось готовое сорваться заклятье. Андрей не произнес ни одной магической формулы, но жезл будто читал мысли хозяина.

– Я могу вам навредить. Вы меня слышите?

Во мне начал пробуждаться гневный зверь. Какого демона он творит?!

– Это. Не. «Эншантель». – Он смотрел напряженно и цедил слова едким шепотом, по одному. – А вы – не безвольная игрушка с парижской фабрики покладистых кукол. Сопровитесь! Не позволяйте себя обидеть, черт вас раздери!

Настырным комаром в голове зажужжала его дурацкая фраза про возможное и невозможное. За ней подоспели слова, сказанные после поцелуя... Карпов замахнулся. И я, сама от себя не ожидая, со всей дури врезала ему боковым в лицо.

Кулак обожгло кипятком, но во всем теле натянулись уверенные струны – зря я что ли пятый месяц Пандору наколачиваю?

Откуда-то я знала, что надо делать.левой рукой обхватила его запястье и резко дернула вверх, фиксируя ладонь так, чтобы палочка смотрела в потолок. Правым кулаком уперлась в

твердое плечо, настойчиво отклоняя мужчину назад... И, воспользовавшись временной дезориентацией «противника», ударила ногой по колену. Будет знать, как дьяволицу черными самоцветами баловать!

Профессор завалился на пол – с некоторым даже изяществом, – а я приземлилась сверху, все еще фиксируя запястье. Уверена, Карпов поддался. Не могла же я уложить такого динозавра?

Мгновенно сориентировавшись, я прижала его ладонь к полу, а второй рукой вынула свою палочку из кармана и приставила к шее. По залу прошелся изумленный «Ах!», и настала тишина. Кажется, никто еще прилюдно не бил профессора Карпова по мрачной физиономии.

– Только пошевелись, сильный, страшный и сердитый волшебник, и я тебя убью! – шутливо изобразив гнев, пробормотала я. Злость куда-то исчезла, на смену ей пришло нервное веселье. Сидеть сверху на поверженном мужчине было неловко, но волнительно.

На его лицо выплыла кривая усмешка, в черных глазах заплясали чертики. По красивой, оцарапанной Присциллой скуле расплзлось розовое пятно, которое вполне могло завтра превратиться в синяк. Не так уж слабо я его приложила.

Несколько секунд он позволил мне посидеть на его прессе, а потом резко ухватил за ладони и с грацией бешеного гепарда перевернул на лопатки. Теперь он возвышался сверху, слегка навалившись на меня, почти так же, как в лесу. Но сейчас не было желания кусаться: профессор и без того выглядел пострадавшим.

С силой пригвоздив мои запястья к полу, он стукнул пару раз костяшками о паркет, и палочка вывалилась из ослабших пальцев. Я тяжело задышала, поняв, что из цепкого капкана не вырваться. Похоже, Карпов мог одолеть любого мага голыми руками без всякого волшебства.

– Вы все сделали верно, мисс Дэлориан, – отрывисто и громко заговорил он, продолжая занятие. – Но не учли одну вещь: я гораздо тяжелее и сильнее вас физически. И потому вы совершили две грубые ошибки. Угадаете, какие?

– Надо было бить сильнее... – тихо пробормотала я, глядя на его раскрасневшееся лицо.

– Правильно. Вы ударили не в полную силу. Неужто вам меня стало жалко? В следующий раз, если перед вами встанет враг, замышляющий убийство... Соберите в кулачок всю ярость, которая в вас, без сомнения, имеется.

– А вторая ошибка? – все еще лежа под ним и слушая, как гулко колотится сердце Андрея, поинтересовалась я.

Зачем я спрашиваю, если все равно не пойму ответа? Разум давно покинул здание. Куда ему, когда тут... Такое...

Нависавшее надо мной атлетичное тело было напряжено. От этого профессор казался еще мужественнее и привлекательнее. Стало совсем не по себе. Внутри по груди и животу расплзался предательский жар, дыхание сбилось совершенно непристойным образом.

Карпов бросил на меня знакомый странный взгляд, но продолжил вести занятие феноменально хладнокровным тоном. Демон, что с него взять!

– Не стоит играть в благородство, когда стоит выбор между жизнью и смертью. Получили преимущество – используйте его незамедлительно. Вы должны были ударить, – он кивнул на палочку, – а не просто угрожать. Любым заклятьем – замедляющим, оглушающим, парализующим. А потом... Вы знаете, что надо было делать потом?

Я помотала головой. Не знаю, не помню... Сейчас, ощущая кожей каждую его мышцу и одурманенная запахом полыни и пота, я вообще туго соображала. И зачем вокруг столько людей?

– Бежать. Со всех ног бежать, мисс Дэлориан. Вам меня не одолеть... Во всяком случае, не сегодня. Ну все, хватит валяться. Вы тут не на курорте.

Надев на лицо язвительную усмешку, он ловко поднялся и помог встать мне, а затем, как ни в чем не бывало, продолжил рассказывать ученикам про немагические приемы самообороны. Я слушала вполуха, пытаюсь привести в порядок дыхание и внутренне остыть. Получалось не особо.

А еще начала возвращаться злость... Потому что мне черного самоцвета опять не досталось!

Глава 6. Гости из прошлого

Слухи о том, что я на уроке избила уважаемого профессора, распространялись не так активно, как сплетни о моей трехсекундной шалости с Питом Кавендишем. Так что репутацию опасной девчонки, с которой лучше не связываться, я так и не заработала. А вот головную боль – вполне, потому что после спарринга со мной Демон решил устроить коллективный «мордобой» и заполучил еще несколько ссадин на красивой физиономии.

И кому их пришлось обрабатывать через час в больничном отделении? Мари едва не до вечера занималась с мисс Вяземской, поднося к ее крошечному кукольному носику то один, то другой бодрящий эликсир. Мне же достались царапины, ушибы и кровоподтек собственной работы.

К концу недели я измоталась так, что все мечты сводились к мягчайшей двуспальной кровати в Пункте Связи. Субботним утром там обычно тихо и малоллюдно. Можно спрятаться под одеялом и весь день из комнаты носа не показывать.

Но нет, нынешнее утро оказалось субботним лишь по календарю. В родовом имении Абрамсов кипела жизнь, крестный сновал между кабинетом и гостиной и разводил суету.

– Они скоро придут! – загадочно вещал он и делал страшные глаза. – Не представляешь, Джулс, каких трудов мне стоило переманить их из службы отлова при Заповеднике в наше сопротивление.

– И ты, конечно, уверен, что это гениальная идея, – покачивала головой миссис Абрамс, явно догадываясь, о ком речь.

Что за таинственные персоны должны прибыть из Эстер-Хаза в наш красный домик посреди заснеженных полей, я так и не поняла. Поэтому переоделась в нормальную человеческую одежду (в Академии я таких вольностей себе позволить не могла) и завалилась на диван с полюбившейся мне «Энциклопедией прекрасных принцев современности».

Лукас Кавендиш из нее исчез, а вот Дорохов по-прежнему лукаво поглядывал с книги прозрачными глазами. Демон тоже отыскался на тридцать шестой странице. Только здесь он был Карповский, высший свет так и не принял добровольную отставку.

– Ани, девочка, ты не могла бы переодеться? – скептически разглядывая мой домашний образ, выдал вдруг крестный. Он стоял в проходе гостиной.

– Зачем?

– Воскресное собрание перенеслось на субботу. В рядах магов-миротворцев сегодня пополнение. В количестве двух экземпляров, – зачем-то уточнил Артур, и я невольно приснула. Вот всегда он так, по-пользовательски. – Мне бы хотелось, чтобы ты выглядела прилично и сменила свою рабоче-крестьянскую униформу на...

– Это джинсы! – оскорбилась я.

– Это шорты.

– Тем более! Сомневаюсь, что крестьяне такое носили.

Еще секунду мы буравили друг друга глазами, а потом крестный не выдержал и рассмеялся.

– Да, маловероятно... Пойдем наверх и подберем тебе что-нибудь красивое. И уместное.

Решив не сопротивляться – интересно ведь, что удумал крестный, – я пошла за ним в свою спальню. Местный шкаф прилично распух от моей «неформенной и неуместной» одежды, хранить которую в Академии не было никакого смысла.

– Вот, это подойдет. К глазам, – Артур сунул мне в руки платье из темно-синего атласа с юбкой до колен и скромным вырезом. Но при этом весьма элегантное.

А у него недурной вкус, вот только насчет глаз не была уверена. Мои карие, почти черные, в синие за это утро точно не превратились.

– И причешишь! – по полной отыгрывая амплуа феи-крестной пробурчал Артур и вышел из спальни.

Нет, что-то с ним сегодня не то. Определенно.

Тайный замысел крестного я разгадала далеко не сразу. Поначалу все шло, как обычно.

Дом постепенно наполнялся гостями, начиная недовольно трещать по швам. Карпов помогал молоть кофе в тугой деревянной мельнице: сам, между прочим, вызвался, увидев красные следы на моих ладонях. Джен, которую тоже заставили переодеться в травянисто-зеленое платье, с ворчанием воровала с кухни свежевыпеченное печенье. Джулия безуспешно пыталась пресечь криминальные затеи племянницы...

– Брендан! – сменив вдруг траекторию, миссис Абрамс всплеснула руками и бросилась навстречу какому-то мужчине. Весьма молодому и, несмотря на побитый вид, крайне привлекательному.

Назвать его юношей у меня язык бы не повернулся. Просилось что-то вроде «бравый воин». Чертовски симпатичный, и притом мужественный. С трехдневной щетиной, скрывающей ямочку на подбородке. Со следами усталости на пухлых мальчишеских щеках. С паутинкой тонких шрамов у виска и свежим ожогом на шее. Сколько ранений скрывалось под рубашкой, страшно было подумать. Он выглядел весьма потрепанным жизнью и разными волшебными тварями.

– Миссис Абрамс... – голос у этого Брендана был чуть охрипшим, и потому низковатым.

– Мальчик мой! – Джулия снова вскинула руки и тут же взгромоздила их на плечи воина. Гость поморщился, оправдав мою догадку о «мечте патологоанатома». – Вернулся, значит, из Румынии? Боже, что с шеей?

– Одна из причин, по которой я охладел к отлову магических тварей, – мягко рассмеялся мужчина, выпутываясь из мучительных объятий. – А вы, юная леди, Дженивьева? Мы виделись пару лет назад на Рождество.

– Простите, сэр, я не помню, – замялась Джен, сравнившись цветом с незрелым помидором. А затем резко присела в некоем подобии реверанса, едва не растянувшись на полу, чем всерьез меня перепугала.

Сегодня со всеми что-то не так.

– Не удивительно, вы весь вечер прятались на кухне. Но я запомнил ваши рыжие косички.

Похоже, Джен собиралась умереть прямо здесь и сейчас. Я уже собралась спасать подругу, как у окна кашлянул Карпов, с гулким стуком ставя на стол деревянную кофемолку.

– Андрей... Владимирович, – гость подскочил к профессору и замешкался.

– Совесть есть? – проворчал Карпов. – Предупредил бы хоть, что вернулся...

Обиженные нотки в голосе Андрея сменились насмешливыми, он притянул к себе парня и похлопал по плечу. Ничего не соображая, я спряталась позади Джен и подперла собой кухонный шкаф.

– Ага, нашли друг друга? – удовлетворенно закивал Артур, втискиваясь в и без того набитую кухню. – Сколько лет Андрей был твоим наставником?

– Три, сэр. Вы хотели меня кому-то представить? Но я тут со всеми знаком.

И тут до меня начала доходить задумка крестного... Быстро, стремительно, со скоростью несущегося поезда в метро.

– Ани, ты где спряталась? – Артур не заметил, как я нырнула за холодильник и затаила дыхание. – Да куда же она...? Ладно, найдется. Брендан, расскажи, как дела у Селесты? Ты ведь с ней приезжал на то Рождество? И собирался взять с собой в Румынию?

Фух, пронесло. Если есть некая Селеста... Значит, я ошиблась в коварном замысле крестного. Надо как-то заставить себя думать о нем лучше и не искать подвоха в каждой затее.

– Я и взял. Но спустя полгода выяснилось, что это была худшая из идей. Сэлл не выносила крови, и когда я возвращался из Дебрей... Ну, первое время она просто падала в обморок. Потом начала устраивать истерики. А через шесть месяцев сбежала первым встречным порталом.

– С твоим талантом попадать в передряги нужна спутница, не помирающая от вида крови...

Не пронесло. Замысел крестного оказался даже коварнее! Красноречиво икнувшая Джен подумала о том же. Я тихонько заскулила от возмущения... Вот ведь гад! Обещал же не искать мне мужа!

Душещипательную постановку, задуманную и отрепетированную Артуром, прервал не то воинственный клич, не то восторженный вопль. Я бы сказала «спасибо» ворвавшейся в кухню девице, если бы она орала какое-нибудь другое слово.

Любое, кроме этого.

– Андрюша!

С диким визгом невысокая женщина вбежала в кухню, оттеснила в сторону Брендана и бросилась на шею Карпову. Эффекта ей показалось недостаточно и она, поджав ноги, повисла на нем всем своим грациозным тельцем.

– Тамара? – ошарашенно глазел на нее «Андрюша». Но не отпихнул, с шеи не снял и даже по темным волосам, стриженным в каре, погладил. – А тебя кто поджарил, чтобы выгнать из Румынских Дебрей?

– Никто, я за компанию, – лукаво рассмеялась молодая женщина. Худенькая, гибкая и бессовестно загорелая.

Дай мне сейчас кто-нибудь телефон и номер Судьбы, я в грубых выражениях объяснила бы этой стерве, что такое «перебор». Но на меня никто и внимания не обращал, поэтому я тихонько пыхла закипающим чайником и люто ненавидела всех вокруг.

– Эй, полегче... Кто это? Прекратите... Откуда столько... Да что я вам... Сейчас мозг взорвется... – завизжала Тамара, бросилась к морозилке, по-хозяйски вынула оттуда два кубика льда и приложила к вискам.

Или все-таки обращал?

– Твою ж... – только и успела пробормотать я, прежде чем натянуть внутренний ментальный барьер и, пихнув в спину Джен, шепнуть подсказку: – Эмпатка.

– Да быть того не может... – недоверчиво икнула Дженни, а затем, обернувшись, просипела еще что-то совсем уж невразумительное. И так сконцентрировалась, что чуть капилляры в глазах не полопались. Ей ментальная защита давалась труднее.

– Спасибо... Хоть дышать теперь можно... Так, кто из вас? – гневно переводя взгляд с Дженни на меня и обратно, зашипела девица.

Глаза у нее были дымчатыми, повадки кошачьими, а на лоб падала длинная густая челка.

Будь я парнем, влюбилась бы в нее прямо сейчас.

– Простите, меня не предупредили, что в гости придет эмпат, – вдруг забормотала Джен, строя из себя саму невинность. Это еще что за новости? – Мы уже начали изучать ментальные барьеры, но у меня пока плохо получается. А вы так кричали... Я всегда злая хожу, когда в доме набивается столько народа.

Не дрожи я сейчас осиновым листом, я бы икнула на всю кухню от удивления. Кажется, в моей подруге завелась вторая извилина. И она, в отличие от первой, прилично функционировала.

– Ох, это я должна извиниться, – вдруг стушевалась девица, мгновенно взяв себя в руки. – Дар сломан, и все происходит для меня слишком болезненно... Артур должен был предупредить...

– Крестный? Что вы... Он обожает ставить жестокие эксперименты, – проворчала я из-за холодильника, с потрохами выдав свое местоположение. И тут же была схвачена за локоток Артуром и выужена из спасительного укрытия.

Лица мужчин, окруживших меня, были до неприличия счастливыми. И от этого натянутый ментальный барьер стал угрожающе потрескивать. Я всерьез слышала в ушах подозрительный гул и электрическое стрекотание... Или то были тараканы, собиравшие армию на войну с обнаглевшим крестным, загорелой Тамарой и кудрявым незнакомцем, перед которым меня демонстративно поставили?

– Брендан, это моя крестница Анна Дэлориан, милейшее создание... – с долей неуверенности отрекомендовали меня исцарапанному воину.

На этой лестной характеристике миссис Абрамс закашлялась, Джен поперхнулась сворованным печеньем, а Карпов насмешливо поднял бровь, которую мне тут же захотелось вернуть обратно и закрепить скотчем. Отличная у меня группа поддержки, ничего не скажешь!

– Господин Хайв – прекрасный...

– Экземпляр, – перебила я Артура. – Слегка подпорченный, но, в целом, я согласна. Давай пустим его на органы.

– Ани, ты несносна! – крестный закатил глаза.

– Я – милейшее создание! – пригрозила я и для остротки топнула ножкой.

– И поэтому будешь радушной хозяйкой...

– ...в совершенно чужом доме.

– Перестанешь меня перебивать...

– ...да ни в жизни.

– И пообщаешься с гостем хотя бы пять минут, из вежливости...

– ...и смеха ради.

Бурча «Несносна, как есть несносна» крестный гордо развернулся и вышел из кухни. Кислорода сразу прибавилось. Впрочем, мои легкие требовали еще больше свободы действий, так что я кинула уничтожающий взгляд в Карпова, вышла следом за Артуром и поманила за собой бравого воина. Вот, значит, кого вместо принца-«пустышки» Элиаса Ланге присмотрел для меня крестный...

Что ж, «прекрасный экземпляр» сам напросился!

Я встала у выхода в зимний сад и раздула ноздри, пытаюсь вспомнить хоть какие-то дыхательные упражнения. Но, поскольку «раздражающий фактор» расположился в метре от меня и принялся с интересом заглядывать в мое разгневанное личико, расслабиться не удалось.

Ладно, покончим с этим прямо сейчас. В конце концов, я достаточно взрослая, чтобы пресечь сватовские замашки Артура своим решительным «Нет».

– У вас есть пять минут моей милейшей компании, господин Хайв, потом я пойду и переоденусь, – проворчала я, демонстрируя атласное платье сапфирового оттенка. – Нет, ну надо же... «Пойдем подберем что-нибудь уместное»... Десять минут со мной у шкафа пританцовывал... Давай, говорит, синенькое, к глазам... К каким? Знакома я с одной, которой оно к глазам... Что б ее муж пережил... Еле ноги со свадьбы унесла...

Уткнув руки в бока и грозно прицелившись глазами в «ценного экземпляра», я отчаянно бесилась. Вполне возможно, что и из ушей пар шел, просто я не заметила.

– Вы сейчас уже со мной или еще с собой? – усмехнулся Брендан моему недовольному виду. – Как понять, когда пять минут кончатся, если не ясно, когда они начались?

– Весельчак, значит? А то и философ? И кто вас так приласкал по шее?

В кухонном проеме показался Карпов, неодобрительно поджавший губы и наблюдавший за нашей беседой. Я собралась демонстративно отвернуться от Мистера «Будет лучше, если это не повторится», как из арки вылезла вторая голова. С виртуозно взлохмаченным каре и опаленными солнцем щеками.

– У вас не слишком острый язычок для юной леди?

– Я даже кусаюсь иногда, поэтому отвечайте по-хорошему... – заторможено пролепетала я, передумав отворачиваться.

Да что она себе позволяет? Вот так, под руку, как старого приятеля? И над чем она так смеется?

– Лавасилиск плюнул, – вернул меня к своей потрепанной персоне Брендан.

– О господи, и этот туда же, – осуждающе покачала головой, позабыв про свое решительное «Нет», которое самое время было сказать. – Вас мама не учила, что нельзя подходить к страшным ящерам-исполинам со встроенным огнеметом?

– Я рос в приюте для магов-сирот. Но да, что-то такое нам рассказывали, – покорно признал парень и заулыбался. – Мне еще повезло, что только плюнул... Знали бы вы, какие у них клыки.

Судорожно выпустив воздух из легких, я на пять секунд закрыла глаза, позволив одному из своих ночных кошмаров на перемотке прокрутиться в голове.

– Если вы говорите, что повезло, значит, так и есть, – собрав себя по кусочкам, ответила я уже спокойно. – Простите, я не увлекаюсь волшебной зоологией. И клыками в особенности.

– Ани!

Дженни как-то материализовалась рядом и негодуя засопела, но потом вдруг понимающе положила голову на плечо. И продолжила искоса поглядывать на симпатичного воина.

Маленькая мерзавка. Рыжие косички, говорите? Чтобы Джен да от кого-то на кухне пряталась?

– То есть про ужасных зубастых тварей вам больше не рассказывать?

– Да, я вам запрещаю.

Нужно было объяснить этому Брендану, что крестный его нагло обманул, и я кто угодно, но точно не завидная невеста... Вот только Тамара так восторженно лепетала о чем-то в кухонном проеме, размахивая руками, как какая-нибудь знойная итальянка, что правильные слова снова застряли в горле.

– А то что?

– А то я вас обниму. За плечи. Очень крепко.

Парень скорчил гримасу, намекая, что я попала в яблочко. Ладно, к черту...

– Ну и что там у вас под рубашкой? Покажите. Умру же от любопытства.

Возбужденно засопевшая Джен была со мной солидарна.

– Так сразу? – опешил парень, иронично подняв бровь.

– Профессиональный интерес.

– И что за профессия у юной леди?

– Военный врач в будущем, помощник целителя в настоящем, – проворчала я, предвосхищая следующий вопрос.

– Ох... И крови, значит, юная леди не боится? – захохотал Брендан.

– Не беспокойтесь. Если вы не принц, у вас нет ровным счетом никаких шансов на мою руку, сердце и прочие органы с конечностями.

Пожалуй, с меня не убудет немножко пообщаться с нормальным человеком. Без примесей королевской крови. И сложенным так... так... Господи, если Джен и дальше будет так сопеть, Джулия услышит из столовой!

Тем временем парень расстегнул пару пуговиц на рубашке и оголил плечо, изуродованное тремя глубокими бороздками, достаточно свежими и плохо заживающими. Интересно, интриган-крестный и это предусмотрел или случайное совпадение?

– Почему не спрашиваете, кто автор кровавой подписи? И не читаете нотаций, что нельзя лезть...

– К яростным саблезубым тиграм? – вздохнула я. – Не хочу лицемерить. И росчерк этот мне знаком.

– Как вы поняли? – остолбенел воин и даже не поторопился натянуть рубашку обратно, доставив Джен еще несколько мгновений счастья.

– Ну видно же, что когти, вот и вот...

Я легко ткнула пальцем в волнистую бороздку.

– Нет, как поняли, что именно тигрица?

– Мелкая лапа. У самцов крупнее раза в два, такой бы вместе с шеей голову оторвал. У меня была возможность сравнить наглядно. Иногда Румынские Дебри и Индийская Пустошь приходят сами в нашу Академию. Я вам потом расскажу, а сейчас должна переодеться...

– Потом? Вы дадите мне еще пять минут? – парень изумился вполне естественно. – Я совсем не против, но...

Или он отличный актер, или... Крестный что, и его не посвятил в свой коварный план?!

– Даже десять, если у вас найдется, что еще показать.

Вогнав в краску симпатичного воина и доведя Джен до приступа стыдливой истерики, я гордо прошествовала в спальню, стараясь не глядеть на кухонный проем, в котором искристо смеялась загорелая девица. И первым делом натянула рабоче-крестьянские джинсовые шорты и мятую рубашку.

Вот точно... осиротею!

Из столовой, где проходило внеплановое субботнее собрание, то и дело доносился искристый женский хохот. Пожаловавшись миссис Абрамс на тошноту (которая действительно имела место), я уступила ей кофемолку. В конце концов, с одного раза все миротворцы не перетравятся... Наверное.

Сама же вернулась в Академию и принялась разбирать склянки с фирменными мазями Мари. В ладонь ненавязчиво прыгнула «чудо-заживляющая»... Не оставив мне выбора. Зараза! Так что к концу собрания я снова вернулась в Пункт Связи.

Черт бы побрал ледяные пороги и наглые снадобья!

– Господин Хайв, – бросила я со входа, не снимая куртки. – Можно вас на пару слов?

Воин появился в проеме гостиной с чашкой кофе, который, судя по блеклому цвету и невыразительному запаху, варила Джулия. Но выглядел Брендан вполне живым.

– Готовы предоставить мне еще пять минут? – уточнил мужчина.

Его короткие каштановые волосы смешно курчавились, а темно-серые глаза светились ехидством. Из-за этого злиться на крестного получалось плохо.

– Пойдемте, – заговорщически прошептала я, еле сдерживая румянец из-за этой шпионской игры, и поднялась по лестнице.

– Это ваша...?

– Спальня? Ага. Единственное место, куда крестный постыдится заглянуть. Не смущайтесь, входите, – я сбросила куртку на кровать и принялась потрошить сумку.

Где наглая склянка? Ведь сверху положила.

– Позвольте узнать, к чему такая секретность? – воин застрял в проходе и не торопился перенести тело в девичьи покои. – Не подумайте, что я против...

– Ваша рана плохо заживает. Встаньте у окна и покажите мне еще раз плечо. Лучше сами расстегните, а то... – Я все-таки занервничала и покраснела. Ну кто бы сомневался. –

А секретность... Не хочу потакать крестному и его идиотским затеям. Пусть думает, что вы меня бесите.

Брендана не пришлось просить дважды. Парень, чуть морщась, стащил с себя рубашку и бросил к моей куртке. Приехали.

– Я просила только плечо... – недовольно заворчала я, разглядывая исцарапанный торс, покрытый вьющимися темными волосами.

Самое время прикусить губу и вспомнить, что я тут за доктора.

– Надеялся выбить десять минут вместо пяти. Вы спрашивали, есть ли мне еще, что показать. Может, захотите посмотреть, – с серьезной миной поглядел на меня воин и повернулся боком, демонстрируя старую рваную рану на ребрах. – Вот это – румынский вурдалак. А на спине отметился коготь лесного демона-вепря.

– Ого! А тут?

Я не удержалась и погладила пальцами свежий синяк с ладонь размером, растекшийся по пояснице.

– Детеныш камнехвоста взбесился. Мы его транспортировали к мамаше, но ведь не объяснишь парню, что для него старались.

– Вы его...?

– Убили? Нет, это же вымирающий вид. Вывезли все семейство в Заповедник при Эстер-Хазе. Так чем вам не угодила моя рана?

Парень кивнул на баночку в моих руках, намекая, что экскурсия закончена.

– Медленно заживает, – я обмакнула пальцы в зеленое желе и принялась наносить на бороздки. – Я видела такую же через неделю после схватки, на перевязке. И та выглядела в разы лучше вашей. Думаю, дело в наших мазях. Я взяла кое-что у наставницы.

– Вы ходили в Академию? Сейчас? – изумился потрепанный жизнью воин.

– А что такого?

Я невинно хлопнула глазами. Не рассказывать же, что пригласила мужчину в спальню не только из медицинского альтруизма (который, видимо, приобретался вместе с выбранной специализацией), но и в качестве ценного источника информации.

– Вы с Тамарой...?

– Знакомы десять лет и вместе работаем. Она была сестрой моего приятеля и соседа по комнате, Гришки Караваева. Училась на курс старше и постоянно забегала проведать братца. Мы сдружились, а по окончании учебы оба решили остаться в Академии. Тогда профессора набирали ассистентов, Тамара попала к Карамзиной.

– А вас взял Карпов? – подивилась я. – Как-то не похоже на него, брать учеников...

– Я напросился, – ехидно подмигнул воин. – Андрей Владимирович был старше всего на пять лет, но в тысячу раз опытнее и сильнее. И ему в тот период нужна была компания. Так что следующие три года мы с Тамарой жили в Академии, выполняли мелкие поручения и учились у лучших.

– И никакой романтики? – хмыкнула я, и парень засмутился.

– Дурацкая история.

– Я как раз беру оплату за труды дурацкими историями.

С раной я уже закончила, но рубашку ему возвращать не торопилась. Сначала допрос.

– Я пытался ухаживать за Тамарой, – нехотя признал Брендан. – Почему-то сразу решил, что такая девушка мне подойдет. Смелая, простая в общении, бойкая, легкая на подъем. Ее еще в студенческие годы прозвали «дикой кошкой», и привязалось. К тому же она часто вертелась поблизости, приходила в кабинет с бутербродами и кофе, если мы с Карповым засиделись. Я думал, что интерес взаимен...

– Как печально. Судя по восторженному визгу, интерес она проявляла вовсе не к вам.

– Не ко мне.

– И? – чуть требовательнее, чем хотелось, спросила я.

– И осталась с носом. Не вовремя это было. Погоревала немного и уехала со мной и Селестой в Эстер-Хаз.

– Но, когда вы решили вернуться, тоже приехала. За компанию, – понимающе улыбнулась я.

– Видимо, некоторые раны не заживают.

– Просто у нее была неправильная мазь.

Уж я ее быстро вылечу. Подберем что-нибудь фирменное из запасов госпожи Пламберри... Или из моих собственных.

– Вы совсем другая, – внезапно заявил Брендан. – Не такая язвительная, грубая и капризная, какой кажется. Не объясните, что у вас на ноге?

Он кивнул на мои шорты, под которыми буйным цветом разрослась фиолетовая паутинка вен. Я к ней настолько привыкла, что почти не замечала.

– Как видите, мне тоже есть что показать. Гремучник.

Для вида я потратила на его рану еще немного ценной мази.

– Вы носите в кармане противоядие от индийских змей?

Невинно помотала головой. Знаю, куда клонит.

– Тогда вы должны быть призраком.

– На моей стороне были ангелы. И Демоны, – я рассмеялась и закрыла баночку. – Наставница свято верила в мою выносливость и крепость духа. Убирали по старинке...

– И где остановили?

Я слегка задрала рубашку, показав вереницу шрамов на ребрах. Они тоже заживать не спешили.

– Господи... По живому?

– Как я уже сказала, господин Хайв, там были еще и Демоны. Готово! Ваши десять минут истекли.

Приладив повязку к обработанной ране, я подала мужчине рубашку и кивнула на дверь. И, не удержавшись, тихонько крикнула: «Следующий!»

Искупав меня в благодарных смеющихся глазах, бравый воин вернулся в компанию старших магов и дурацкого кофе.

И только он вышел за дверь, как в моей голове возникла гениальная идея. Черт, вот почему она не родилась минутой раньше?!

Глава 7. Рождение легенды

Спалось мне паршиво.

Если бы я не была уверена в тотальной слепоте своего крестного ко всему, что происходит ровно перед его носом, то заподозрила бы тактику «разделяй и властвуй». Андрею – Тамару, мне – Брендана, и все довольны. А некоторые даже счастливы. Но нет, внутри крепло чувство, что Артур не догадывается о моем необычном увлечении. Иначе бы голова Карпова давно помахала шее демоническими ушами.

Так что авторство злодейского финта принадлежало Судьбе. И от этого на душе скреблись тролли (на кошек – и саблезубых, и диких – у меня началась индивидуальная непереносимость). Не поймешь ее, Злодейку. То ежедневно толкает в объятия друг друга, то выдумывает вот такие фокусы...

В полуночном лике Авроры не было ни грамма сочувствия, так что я гордо отвернулась от основательницы Академии и... столкнулась с зелеными глазами, слегка светящимися в темноте.

– Ни черта себе! – прохрипела я, разглядывая дьявольскую версию «собаки Баскервиллей». – У тебя глаза светятся.

– У тебя извилин, «мисс Эншантель», как у золотой рыбки, – деловито фыркнула Присцилла и принялась стаскивать с меня одеяло. – Это заклятье ночного видения. Пошли...

– Куда?

– Туда... Я одна боюсь.

Мгновенно стряхнув с себя остатки едва подступившего сна, я вскочила с постели и заматалась в кофту. Босиком – поди найди под кроватью форменные туфли – я пошлепала вслед за мисс Пруэтт, с завистью поглядывая на крепко спящих соседок. В отличие от меня, их не ждет очередное приключение, непременно опасное, нервное и ведущее к новым неприятностям.

– Ты ее сюда притащила? – тихонько вскрикнула я, разглядывая икринку, как ни в чем не бывало катавшуюся по коридору под нашей дверью.

Присс зашикала на меня и побежала ловить беглянку. Ухватив «арбуз» обеими руками и прижав к себе, мисс Пруэтт шикнула и на него. На всякий случай. И вот, что удивительно, – житель икринки мгновенно присмирел, довольно устроившись в ее объятиях. Я недобро прищурилась... Ох уж эта любительница волшебных монстров. И все-то они к ней льнут!

– Пора, – выдохнула дьяволица, с трудом волоча ко мне любвеобильную ношу. – Видишь, какие глубокие.

Да, трещины на икринке пошли серьезные... Не успела я в Эстер-Хаз.

– Наверх! – решение пришло мигом. – Я знаю одно место с роскошным бассейном.

Внимательно взглянув на меня, Присцилла выдохнула и согласно кивнула. На секунду в посверкивающих зеленых глазах мелькнуло доверие. С ума сойти! Это она еще не в курсе моих размышлений о гуманности и негуманности...

По очереди неся ценный груз, мы преодолели еще один лестничный пролет, бестелесными призраками прошуршали по коридору четвертого этажа и ввалились в преподавательскую ванную. Если Карпов не спал и услышал шаги, нам конец.

Но удобнее места для «вылупления» икринки не найти, так что рискнуть стоило. И бог с ним, что, на цыпочках минуя демоническое логово, Присцилла глянула на меня, как на сумасшедшую и всякий страх потерявшую. Уверена, в этот момент она меня даже законной «рыбной» извилины мысленно лишила.

– Гляди! – довольно зашептала я, включая ножкой напольную лампу.

Золотые блики улеглись на белый мраморный пол, и купальня Авроры Мудрой тут же окрасилась в желтые тона. Круглый бассейн, отделанный драгоценной мозаикой, привычно

возвышался на постаменте. Увидев его, Присс растянула губы в довольной улыбке и, кажется, вернула мою извилину на законное место. То-то же.

– Набирай теплую, – выдохнула «заснайка», прижимая к себе трепыхающегося подопечного. – Он волнуется... Значит, совсем скоро.

Я крутанула несколько вентилях, и в бассейн из стенок ударили мощные струи воды. Наполнив гигантский аквариум до краев, я помогла Присс опустить икринку внутрь.

– И что теперь? – нервно спросила девушка, как будто я была заслуженным специалистом по принятию родов у водоплавающих. – Сколько ждать?

– А я почему знаю? Можешь пока ванну принять. С пенкой, – я беззлобно ухмыльнулась и кивнула на ниши в стене, забитые душистыми растворами.

Присс оценивающе уставилась на медную купель с древними гидромассажными трубками, а я примерно тем же взглядом окинула саму «заснайку». Выдающиеся округлые бедра, тоненькая талия, высокая пышная грудь, смолисто-черные волосы до пояса... Нет уж, ванну пускай принимает без меня. Не хватало еще помереть от зависти, когда у нас вот-вот неведомый зверь родится.

Он, кстати, развел в бассейне суету. Икринка бултыхалась, бороздя водные просторы от одного бортика до другого. На поверхности вздымались и лопались пузыри.

Вдруг что-то хрустнуло, раздался приглушенный хлопок... И бордовый с голубыми прожилками «арбуз» стал совершенно плоским. Нечто выбралось наружу, резко ушло вниз и черной тенью замерло на дне.

– Эй! А дышать? – взволнованно закричала Присс, и мне пришлось плотно зажать ее рот ладонью.

Демоны не дремлют! А если и дремлют, то некрепко.

Нас обеих нещадно трясло, дрожь электрическим током ходила от одного тела к другому, и от этого только усиливалась. Наконец, Присцилла первой размеренно выдохнула, перехватила мою ладонь, убрала от рта и крепко сжала. Да, так лучше. Я тоже начала дышать, и мы обе, не отпуская рук, перегнулись через бортик.

Существо недоверчиво поглядывало на нас из толщи воды. Глаза казались голубыми и странно блестящими, как у ламбикуров. Только молнии в радужке были серебристыми и очень интенсивными.

– Он же не умеет поджаривать взглядом? – прохрипела я.

– Скажешь тоже... – неуверенно ответила Присс и опустила свободную ладонь в воду. – Иди сюда, малыш. Мы не обидим.

– И ты нас, пожалуйста, не обижай, – на всякий случай добавила я.

В глубине почудилось шевеление. Подопечный сделал круг вдоль бортика, что-то неразборчиво пробулькал и медленно поплыл к поверхности. Вот показалась светло-серая круглая голова, покрытая на макушке золотистой шерсткой... Глазки-молнии, крошечный вздернутый носик, чем-то напоминающий человеческий... Рот, странно открывающийся, но не издающий ни звука...

– Ты видишь то же, что и я, «мисс Эншантель»? – чужим голосом просипела Присцилла. – Я что, украли ребенка?

В ответ я лишь судорожно сглотнула и обреченно покачала головой. Если и можно было вляпаться по-крупному, с эпическим размахом, то мы только что это сделали.

Малыш сидел под водой уже двадцать минут, мы с Присциллой засекали. Увидев две озабоченные – а точнее, перекошенные от ужаса – физиономии, наш подопечный психанул и снова залег на дно. И теперь, как дьяволица ни старалась умаслить детеныша, в ответ только взволнованно булькал.

– Мы его напугали, – жалобно простонала Присс и снова пошлепала ладошкой по воде.

– Мы – его? – переспросила я, потому что эффект мне казался совершенно обратным. – Он, кто бы это ни был, сидит в воде почти полчаса. И не дышит! Он... Если ты заметила... Без хвоста! С ногами! Руками! И... И...

– Да, «мисс Эншантель», я уже без тебя поняла, что это не русалка, – обескураженно прошептала Присс. – Но и не человек. Видела у него на ребрах эти штуки?

– Вроде боковых плавников?

– Да! И он в них будто заворачивается...

– Мерзнет?

– Вода теплая... Может, ему так плавать удобнее? Форма обтекаемая... Ну и прикрыться, заодно...

– Точно, мисс Пруэтт! Он тебя смутился, сразу, как увидел! – издевательски фыркнула я, красноречивым взглядом окинув аппетитную фигурку Присциллы.

В том, что имеем дело с существом мужского пола, мы обе не сомневались. Успели разглядеть, пока Нечто не занырнуло и не заматалось в полупрозрачные гибкие плавники, серым шелком тянувшиеся с боков крошечного, совершенно человеческого тельца.

– Ладно, у меня есть идея. Но она дурацкая, – сразу предупредила я и пошла за махровым полотенцем. – Сейчас ты будешь показывать ему волшебные огоньки. Все дети любят фокусы.

– Выманить магией? А что потом? – скептически протянула Присс, но жезл все-таки из кармана вытащила.

– Вот потом и начнется дурацкая часть. Но давай по порядку.

Присцилла принялась жонглировать над бассейном разноцветными магическими сгустками. Я даже засмотрелась, насколько ловко у нее это получалось.

Пиротехническое шоу нашего подопечного заинтересовало, и минут через десять над поверхностью снова возвышался золотистый хохолок взъерошенных волос. Кажется, даже вода не справлялась с их непокорностью.

Пока расширившиеся от удивления глазки изучали огоньки, я подкралась с другого края и дикой медведицей, вылавливающей в реке лосося, ухватила нашего кроху. Чудо принялось биться и выскальзывать из рук, но оно не знало, с кем связалось. Моего упрямства хватило на то, чтобы прижать вредного монстрика к себе и мумией заматать в полотенце.

Ребенок – иначе воспринимать его не получалось, несмотря на плавники, – неестественно широко раскрыл рот. И я приготовилась к истошному воплю. Сейчас Оно заорет, прибежит Демон и нашей «ля комедии» придет полная «финита».

Но малыш не издал ни звука. Вот как? Он что же, не умеет?

– Какой-то неправильный ребенок... – пробормотала в растерянности Присс, и я опасно громко фыркнула.

– То есть отсутствие воплей – единственное, что тебя в нем настораживает?

Мы нервно засмеялись, глядя, как перепуганное чудо тарашит на нас свои магически-прекрасные глаза и возмущенно открывает рот.

– Знаешь, мисс Пруэтт? А по-моему, этот ребенок идеальный.

Замотанный в полотенце, он казался совсем крошечным. Вроде тех кульков, что выдают в человеческих роддомах сентиментальным папашам.

А еще – невероятно красивым!

Кому расскажешь, не поверят, что такое вообще существует. Голубые радужки глаз, обрамленные расплавленным серебром... Золотисто-желтые волосы хохолком, слишком яркие для бледного тела... Светло серая кожа, вся в мелких серебристых венках... И чертовы плавники – тонкие и длинные, как шелковые ленты китайских танцовщиц! И россыпь черных дырочек на шее – если и жабры, то какие-то странные.

Расчувствовавшись, неудачливая воровка отобрала у меня мальчика и прижала сверток к груди. Я не сопротивлялась, потому что к материнству не была готова даже в теории. Детеныш

мигом прикрыл ротик и успокоился. Глянул на Присциллу оценивающе. И как-то совсем не по-детски...

– Он точно маленький? – с подозрением протянула я. – Знаю я тут одну девочку, которой больше двухсот лет...

– Он новорожденный, – смущенно пробормотала Присс, краснея под изучающим взглядом крохи. – Будем отталкиваться от этого... И куда его теперь?

– Есть одно место... Даже со встроенной нянькой... – вслух размышляла я, так и не отказавшись от сомнительной идеи. – Может, хоть она подскажет, что за существо у нас «вылупилось». Только тебе придется взломать дверь.

Поняв, что с преступлениями на сегодня еще не покончено, Присс покорно кивнула и пошла за мной к лестнице. Мы осторожно миновали три пролета, прошелестели по фойе, скользнули мимо больничного отделения и спустились к подвальным помещениям. Вот она, дверь, ведущая к подземному озеру.

– Открывай, – велела я шепотом и приняла из рук «азнайки» ценную ношу. На меня малыш смотрел не с таким аппетитом, и я даже не знала, порадоваться этому или оскорбиться.

В чем-чем, а в преступных талантах Присциллы Пруэтт я давно не сомневалась. Минуты за три она совладала с магическим замком, отсекающим подземное озеро от учеников Академии. В кои-то веки дверь оказалась заперта.

– Ох, тролль меня укуси! – взвизгнула «азнайка», и мне снова пришлось на нее шикнуть. Демоны отсюда не услышат, а вот главные и единственные стражи – вполне могут.

Мир вокруг наполнился мягким свечением, размеренным шумом воды, дивным цветочным ароматом... Будто мы внезапно оказались в другой вселенной.

– Атарина! – тихонько позвала я невидимую знакомую, и у плато что-то забулькало.

У берега возникла знакомая головка с вороньим гнездом из косичек на голове. Позади русалки из воды выглянул кончик изумрудного хвоста, чем-то напоминавшего китовый.

– Ох, тролль меня...

– Ты повторяешься, – фыркнула я на Присс и всучила ей чудо-юдо в полотенце. Сама украла, сама пускай мамочкой и отрабатывает.

Мелкий песок приятно согревал босые ноги. Странно, но он был теплым. Вот это я понимаю, заговоренное озеро: даже полы с подогревом! Я присела на корточки у самого края берега и скорчила виновато-просительную мину.

– Тут такое дело, Атарина...

Но русалку мой унижительный пассаж не вдохновил. Она распахнула и без того немаленькие глазищи и возбужденно шлепнула по водной глади хвостом.

– Это кто?! Вон там? На руках?

– А ты не знаешь? – я подманила Присс, намекая, что нужно показать детеныша поближе.

Мисс Пруэтт опасливо подошла. Кажется, пока бежали по лестнице, у нее успел сформироваться материнский инстинкт. И теперь она считала, что моя пожилая знакомая может навредить крошке-монстру. Наивная... Если я в ком и сомневалась, так это в новорожденном чуде-юде с плавниками и взрослыми хитрющими глазками.

– Я выросла в этом озере... Откуда мне знать? – заворчала русалка, робко дотрагиваясь до хохолка водоплавающего «коллеги».

– Ну, мало ли... Вы похожи, – пожалала плечами в ответ и тоже пощекотала пальчиком малыша. Он беззвучно затрясся, но мне почудилось, что это был смех. – Видишь, он и на суше дышит, и под водой. Может, родственник вид?

– Не слишком родственник, – Атарина надменно подняла бровь, намекая, что разгадала наш план и тетушкой работать не намерена. – И зачем вы его сюда притащили?

– Не жадничай! – пригрозила вдруг Присцилла, и мы все втроем разом присмирели и выпрямили спины. Вот умеет быть строгой, когда захочет. – Озеро большое, а он – совсем маленький...

– И безобидный... на вид, – ненатурально улыбнулась я. – Сможешь за ним приглядеть?

– Я вам не нянька!

Этот удар хвоста пережили не все: я-то отделалась мокрой юбкой, а вот Присс окатило с головы до ног. Зато малышу душ из сияющей материи понравился. Он снова трясся, беззвучно хохоча и строя лукавые глазки всем вокруг.

– Он крошечный. И милый, – убеждала я русалку. – И даже не орет.

– Да и что может случиться? – заискивающе вторила мне Присцилла. – Клыков нет, ядом не плюется... Наверное.

– А чем его кормить?

– Знаешь, а он ведь не выглядит голодным... – удивленно отметила я. – А чем ты сама питаешься?

– Озеро зачаровано. Тут есть все, что мне необходимо. Аврора построила его специально. Видите, какая красота? – гордо отрекламировала свой волшебный прудик Атарина. – Графиня Воронцова была невероятно талантливой, хоть поначалу над ней и потешались. Тогда мнением девушек особо не интересовались...

– Как и сейчас, – фыркнула Присс, явно вспомнив о наболевшем. – Так что, поможешь, пока мы не найдем вариант получше?

– Ладно уж... Недолго!

Русалка подманила пальчиком Присциллу и приняла из ее рук кулек. Наш подопечный кинул обиженный взгляд на «мамашу», но покорился. А минуту спустя, обмотанный своими странными длинными плавниками, наворачивал круги вокруг плато.

– Не говорит, не ест... Надеюсь, он хотя бы спит, – смиренно выдала Атарина последнее опасение и кряхтя на все свои двести пятьдесят направилась в сторону плато.

– Я в понедельник отправлюсь в Эстер-Хаз. Попробую разведать, кто наш подкидыш, – уверенно заявила я Присцилле.

Вообще-то, у меня не было никаких оснований рассчитывать на успех. Бравый воин задолжал, но не настолько, чтобы рисковать головой и помогать мне за спиной у Артура.

– Как ты туда попадешь? – Присс недоверчиво повела бровью.

– Это мое дело. Твое – приглядывать за нашей парочкой с плавниками.

В воскресенье утром я подскочила так рано и так бодро, что удивилась даже сонная Аврора на витраже. У меня не было уверенности, что заседавшие вчера миротворцы вновь соберутся в Пункте Связи сегодня. Но интуиция намекала, что гости из Эстер-Хаза вполне могут навестить старых друзей.

Похоже, Брендан был неплохо знаком с Джулией, раз на позапрошлом Рождество заявился с невестой. И даже довел Джен до желания спрятать под кухонным столом свои рыжие косички... Кстати, надо выведать, что там с ней приключилось.

Однако картина, которую я застала в родовом имении Абрамсов, едва не заставила меня саму спрятаться в каком-нибудь шкафу. Да какого черта происходит?

Из арки доносился благодушный щебет. Дженивьева – это ворчливое создание, посещающее кухню лишь с целью воровства печенья, – о чем-то ворковала с Тamarой, помогая той прокручивать мясо в железной доисторической шутовине.

Джен! Которая до сырой говядины не дотронется даже под страхом угодить в подвал номер два!

Джулия тоже была здесь – поддерживала милую беседу и замешивала тесто, которое, судя во всему, прилагалось к будущему фаршу и должно было стать сегодняшним обедом.

– Анна! Присоединяйся! – радушно предложила загорелая барышня и помахала в воздухе увесистым стейком. – Мы готовим кварагги – фирменное блюдо Эстер-Хаза. Это вроде пирожков с острой начинкой, замаринованной в пряностях.

Я настороженно уставилась на кровотокающий стейк. Надеюсь, это не какая-нибудь зверюшка из Заповедника... Или чем там они занимаются в службе отлова?

– Простите... Мне общения с сырым мясом и в больничном отделении хватает, – отшутилась я и вышла в гостиную.

Кварагги, значит? Черт! Это посерьезнее бутербродов.

– Мисс Дэлориан, – знакомый голос вырвал меня из крайне негуманных мыслей.

Ладно, о том, какого цвета получится фарш из Тамары и насколько пряным он будет, я еще успею подумать.

С лестницы вместе с Бренданом спускался Карпов. Увидев сразу два столь необходимых мне объекта, я растерялась. Сознание заметалось рыбкой, засунутой в крошечный круглый аквариум. Который сейчас нужнее? Всеми органами я тянулась к Демону, но разум голосовал за потрепанного воина.

– Уделите мне десять минут? – подозрительно мягко спросил профессор. – Есть пара моментов, которые я хотел бы прояснить.

Брендан, видимо, решив, что мы тут планируем обсуждать невероятно важный академический проект, кивнул Андрею и направился к выходу. Вот черт!

– Простите, сэр, я немного... – я чуть не взвыла от обиды на Судьбу-злодейку и тихонько добавила: – А какую пару моментов?

– Полагаю, вы и сами догадываетесь, какую.

Карпов бросил взгляд на кухню. А потом перевел его на уходящего парня. Ах, вот какую пару... Да, это я бы с радостью прояснила. Особенно тот момент, что измывается над мясом и подлизывается к Джен и Джулии.

Краем глаза отметила, что бравый воин уже натягивает пальто.

Черт, черт, черт!

– У вас такой загадочный вид, – с ехидной улыбкой отметил Демон. – Будто вы собираетесь попасть в очередные неприятности.

Как в воду глядит... Еще как собираюсь.

Брендан спохватился, что не попрощался с хозяйкой, и прямо в пальто прошмыгнул мимо нас на кухню. Буквально подарив мне еще пару минут на решение вопроса номер один. И подготовку к вопросу номер два.

И почему Андрей, чтоб ему кость в квараггах попалась, Владимирович выбрал такое неудачное время для беседы? Именно сейчас, когда совершенно не до него.

Ну, никакой личной жизни с ребенком на руках!

Я невольно улыбнулась дурацкой мысли. Как нерадивая мамаша, я скинула водоплавающего «отпрыска» на руки Присс и Атарине. Надеюсь, когда у меня появятся собственные дети, во мне проснется сознательность.

На миг представились их черные глазки и взлохмаченные жесткие волосы... Черт! Ох, и о чем я только думаю? Как же все некстати!

Карпов пристально сверлил меня глазами, и я послала хвалу создателю, что он всего лишь Демон, а не ламбикур, читающий мысли с полувзгляда.

– Вы так рассеяны...

– Просто мысли заняты другим, – пробормотала я, и вдруг поняла, насколько двусмысленно это прозвучало.

– Другим? Анна... Мне нужно объяснить... – Карпов ухватил меня за локоток и придвинул чуть к себе, позволяя Брендану миновать нас снова на пути к выходу.

Черт!

Столько раз, сколько за эти пять минут, я еще не чертыхалась!

– Простите, Андрей... Владимирович... Мне сейчас совсем... – я прикрыла глаза, мысленно проклиная Судьбу, и громко крикнула в сторону входной двери: – Господин Хайв, задержитесь на минутку. Мне нужно кое-что вам сказать, это срочно.

Недоуменный взгляд Карпова прожег меня до затылка. И снова – черт! И ведь не объяснишь ему, что у меня в озере ребенок под присмотром престарелой русалки остался!

Взлетев по лестнице – что было непросто, если учесть, что я практически волокла за собой неподъемную упирающуюся тушу с симпатичными кудряшками, – я втащила Брендана в кабинет. Прижала ладонями к двери, чтобы не сбежал раньше времени, и попыталась перевести дыхание.

– Анна...

– Как ваша рана?

– Лучше. Намного, но... Вы не слишком торопите события?

– А вы, значит, любите медлить и изъясняться загадками? – с вызовом глянула я на «бравого воина».

Тоже мне, смельчак!

– Мисс Дэлориан, я ведь планирую бывать здесь на собраниях. И мне бы не хотелось, чтобы между нами возникло недопонимание...

– А?

Он чуть распахнул пальто и расстегнул пару пуговиц на рубашке. Знаю, жарко. Я сама запарилась, пока бежала наверх.

– Вы ждете от меня каких-то решительных действий в вашем отношении? – покаянно выдохнул Брендан, домиками подняв брови.

– Вы раздевались в моей спальне, господин Хайв. Куда уж решительнее? – для пушного эффекта я закатила глаза.

– Поймите... Артур ошибся, я не жажду сейчас серьезных отношений. История с Селестой...

– Вы не хотите сложностей, – я понимающе закивала, надеясь все-таки перейти от неудобной беседы к мучавшему меня вопросу.

– Ваш крестный полагает, что я ищу себе жену! – возмущенно добавил парень. – Когда-нибудь, возможно... Но не сейчас. Я только вернулся, даже в старом доме еще не обжился, с друзьями контакты не наладил. Поэтому, если вы надеетесь...

– Я надеюсь, что вы перенесете меня в Эстер-Хаз.

– Что? – он даже ерзать под моими ладонями перестал, намертво прилипнув к двери.

– У вас ведь остались связи на прежнем месте работы? – торопливо зашептала я, зырящая безумными глазами. – Мне нужно посетить Заповедник. Точнее, библиотеку при нем.

– Вы меня опять удивляете, юная леди...

– Пожалуйста!

Я посмотрела с мольбой, но на всякий случай выпустила коготки, чуть царапнув сквозь рубашку. Не позволю ему отказать. Мне нужно в чертов Эстер-Хаз! У меня в озере плещется волшебный младенец с серебряными плавниками, торчащими из ребер!

– Несовершеннолетние маги могут посещать закрытые территории Эстер-Хаза только в сопровождении...

– Именно для этого мне нужны вы, – я перешла на шипение. Сквозь зубы.

Если Брендан продолжит отказываться, я начну выдирать волосы. И на себе, и на нем, за компанию.

– И крестного вы ставить в известность не планируете?

– О, уверена, он не стал бы возражать против нашей с вами прогулки, – я нервно подмигнула бравому воину. – Ну же, соглашайтесь. Вы мой должник!

– Хорошо, мисс Дэлориан. Я сопровожу вас в Эстер-Хаз и договорюсь, чтобы нас приняли в библиотеке. Но вы пообещаете не отходить от меня ни на шаг!

– Завтра в шесть вечера у входа в Академию, – довольно кивнула я, сдвинула в сторонку «бравого воина», протиснулась в дверь и выбежала из кабинета. Пока не передумал.

Я очень рассчитывала застать Карпова внизу и продолжить прояснение пары моментов... Но Демона в Пункте Связи не оказалось.

К обеду, впрочем, он снова материализовался в гостиной дома посреди полей. За ним подтянулись Брендан, парочка незнакомых миротворцев и зачем-то – мой крестный. Я только порадовалась, что мы вернемся к обсуждению «пары моментов», как Тамара принялась с неугомонным щебетом зазывать всех на кварагги.

Новоприбывшие были схвачены Джулией за грудки и усажены за стол. Ну да, и меня тоже отловить успели... В столовой обнаружили Осворт с Мелиссой и Джен.

Кварагги были далеко не столь отвратительны, как мне бы хотелось. Крестный так вообще причмокивал, мурчал от удовольствия и вспоминал какую-то «заповедную юность». Предатель... Но больше всех поражала Джен, поглощавшая пирожки с невиданным доселе изяществом (едва не оттопырив пальчик) и стрелявшая глазками в и без того еле живого воина.

Словом, мой ментальный барьер трещал по швам. От концентрации перед глазами мельтешили мошки, а в ушах слышался звон.

– А ты не можешь как-то выключить эту штуку? – не выдержав, взмолилась я. – У меня уже глаз дергается от напряжения!

Тамара игриво расхохоталась и сдула с глаз густую челку, а я сконцентрировалась пуще прежнего.

– Это с непривычки, – пробормотал Брендан, по чьей-то идиотской задумке усаженный подле меня. – Со временем перестаешь замечать. Как вещь, которую носишь постоянно, не снимая.

– Вроде обручального кольца? – вякнула Джен и покраснелась.

– Примерно так. Хотя откуда мне... – смущенно ответил бравый воин.

– А, между прочим, тебе, Брендан, давно пора жениться, – вдруг высказался Артур, и мы с Джен обе выронили пирожки на тарелки. Правда, совершенно по разным причинам.

Мой ментальный барьер опасно заискрился. Я не торопилась поднимать чертов кварагг, разметающий по блюдцу пряный фарш, потому что пальцы предательски дрожали.

– В мое время все решалось просто! Хорошо спланированная магическая помолвка не так уж и плоха... – продолжил крестный.

– Уверен, Брендан способен самостоятельно разобраться с этим вопросом! – возмущенным рыком огласил столовую Карпов, до этой поры молчавший мрачной тучей. – Без участия сердобольных тетушек, дядюшек, опекунов, наставников и старших друзей! И найти свою девушку. Созданную именно для него, а не для чьей-то идиотской игры в «удачный брачный союз», Артур!

От этой тирады меня вжало в стул. И не только меня: в столовой повисла напряженная, звенящая тишина. Даже муха под потолком – и та, на всякий случай, примолкла.

Присутствующие, конечно, были в курсе отношения Демона к договорным бракам... Но мне вдруг стало казаться, что его волнуют не магические помолвки в общем, а одна конкретная, назревающая, – в частности.

– Не кипятись, Андрей, – прервал молчание крестный. – Я понимаю, твой опыт был в высшей степени неудачным, но... Есть ведь и прекрасные примеры? Да и Брендан давно достиг совершеннолетия и вправе выбрать себе жену на свой вкус. И никто его к этому... кхм... выбору... подталкивать не пытается.

Осворт глухо и как-то подозрительно закашлялся – будто у него в горле застрял комочек шерсти. А я пожалела, что сама не могу обернуться зубастой волчицей и сожрать крестного как какую-нибудь Красную Шапочку. Вместо квараггов. Вот это была бы хорошая сказка...
Почительная.

– Я бы с радостью, Анна, выключила эмпатию, – вернула вдруг всех к более уместной беседе Тамара, и на секунду я даже прилив благодарности испытала. – Тем более, что дар сломан и больше похож на проклятие. Сплошное мучение! Вот раньше...

– А как было раньше? – восторженно зашептала Дженивьева, и я поняла, что она нашла себе кумира. И снова – приехали.

– Моя прабабка Вертана была достаточно сильной эмпаткой. Она могла впускать в себя чужие эмоции – ярость, страсть, – и те усиливали ее многократно. Творимые ей заклятья не уступали по силе чародейству Высших... – мечтательно рассказала Тамара. – Мне же достались отголоски. Я даже не всегда могу уловить источник чувства... И с трудом определяю его цвет и звук...

– Что? У эмоций есть цвета и звуки? – челюсть восхищенной Джен валялась в тарелке вместе с распотрошенным квараггом.

– Я так их воспринимаю. Злость, ненависть, гнев – багровые и скребут металлом. В нежности и благодарности много зелени. Они журчат ручьем...

– А как выглядит любовь? Розовая? И похожа на трели птиц? – заулыбалась рыжая заноза.

– Нет, Дженни, настоящая любовь сияет золотом и звенит, как пасхальные колокола.

...В понедельник я ни разу не оказалась при смерти. Чем удивила и Карпова, и госпожу Пламберри, и даже себя.

В рамках магического спарринга мы тренировали приемы из коллективной обороны. Выставляли сияющие сверхщиты на трех-четырех учеников. Такой вид «сотворчества» мне давался довольно легко: всего-то и нужно было, что работать по «ассисту» и вовремя соединять магические потоки.

Лидером нашей тройки была «пышногрудая Сюзи». Именно она задавала формулу и расправляла щит, мы с Рашель лишь вливали в него свою энергию. Мисс Бэггинфорт действовала хладнокровно и сосредоточенно, и за несколько минут мы умудрились обойти команду Присциллы. Наш щит оказался и больше, и прочнее, и даже какими-то розовыми звездочками сверкал. Все-таки Сюзанна такая Сюзанна...

– Мисс Пруэтт, вы сегодня необычно рассеяны, – отметил внезапно Демон, склоняясь над присевшей на мат дьяволицей и протягивая руку к ее запястью. – Пульс частит. Отпустить вас в больничное отделение?

Вот это забота! У меня челюсть едва не улетела на соседний с Присс мат.

– Все в порядке, сэр. Я сейчас соберусь.

Я-то прекрасно понимала, что «зазнайка» всеми мыслями в нашем озере и волнуется о младенце с расплавленным серебром в глазах... Я бы тоже путала заклинания, если бы мне пришлось встать во главе тройки.

Больше за целый день ничего необычного не случилось. Кроме того, что Демон великодушно отпустил меня с дополнительного занятия. Памятуя, видимо, о способах решения данного вопроса, практикуемых Мильми Леди, до краев заполненными малиновым желе. И опасаясь стать очередной жертвой моего коварного очарования.

Арчи, кстати, после «заклочения» так и не появлялся... Я начала беспокоиться, не выдергала ли Джи-Джи из него и без того нескладно уложенные перья. Но Карпов объяснил, что мой ламбикур еще слишком молод для полноценного служения союзу и до своей птичьей зрелости обязан посвящать себя стае. Словом, он, как и я, ждал совершеннолетия.

Ровно в шесть я выскользнула на порог Академии, замотанная с головы до ног в черный плащ Присциллы. Специально одолжила у умницы-дьяволицы, чтобы сохранить инкогнито. Та, узнав, куда я направляюсь, изъявила желание отдать мне половину своего гардероба. И даже как-то умудрилась натянуть на меня темно-зеленое платье из незнакомой ткани. Очень теплой, но совершенно невесомой. Явно зачарованной.

– Холодно там сейчас. В Эстер-Хазе. Это из-за купола, он вытягивает тепло, – тихо пробурчала Присцилла, выбивая остатки почвы из-под моих ног. – Мы с отцом ездили на каникулах, у меня зуб на зуб не попадал.

– Я бы потерпела, – в том же ворчливом стиле ответила я, примеряя обновку. – Не сахарная.

– Видела я, как ты от одного вида снега трясешься. Вот, это еще возьми, – она сунула мне черные перчатки из той же странной ткани и тут же отвернулась к окну. Я поспешно их надела и, пообещав вернуть «как только, так сразу», выбежала в коридор.

Определенно, и с Карповым, и с Присс творится что-то невероятное. Начинаю подозревать, что кто-то распылил яд в Академии. Направленного «демонического» воздействия.

Глава 8. Заповедник

Брендан явился минута в минуту, и мы чуть не столкнулись носами на обледенелом пороге. Воин быстро, не дав опомниться, привлек меня к себе и закружил в телепорте.

Еще не открывая глаз, я «увидела» снег. Повсюду. Сверху, снизу, чуть ли не внутри. Он чувствовался, слышался, будто слегка звенел... А еще – щипал морозом за щеки, сковывал льдом волосы, торчащие из-под черного капюшона, и облизывал холодным языком кончик высунутого носа.

– Сейчас станет теплее, – заботливо пообещал бравый воин и потянул за собой.

Снег валил с неба, заметая дороги, застилая стеной все впереди. На ресницы налипли белые хлопья. Я зажмурилась и доверилась проводнику, поспешно переставляя ноги.

Не сбавляя шаг, я в мыслях благодарила Присциллу за перчатки и платье. Ткань точно была зачарованной: тело будто окружил кокон из сухости и тепла. Плащик тоже оказался непростым: снег огибал его, не прилипая. Так что страдали только щеки и нос.

Мы протиснулись за какую-то дверь, обвешанную колокольчиками. Брендан опустил меня в ближайшее кресло, наклонился и принялся протирать заиндевшее лицо горячей ладонью.

– Первый раз всегда очень холодно. Сейчас принесут, потерпите... – бормотал парень, взволнованно суетясь и улыбаясь.

Похлопав ресницами и сфокусировав зрение, огляделась. Небольшой домик, обустроенный в духе кантри. Первый этаж тесно заставлен деревянными, грубо сколоченными столиками и стульями. За прилавком – дородная дама с седой гулькой и в изумрудном шерстяном платье. К нам торопится девица с дымящимися бокалами.

Два стакана с чем-то янтарным опускаются на стол. Брендан кивает, протягивает официантке несколько монет и подталкивает один из напитков ко мне. Жидкость опасно пенится, шипит и затягивает стекло паром.

– Вы уверены, что мы после этого останемся в живых? Мне обязательно нужно вернуться.

– Это «Эстер-Броул», фирменный напиток здешних мест. Моментально согревает и обеспечивает иммунитетом к воздействию купола. Вы же не хотите, чтобы он вытягивал тепло и из вас тоже? Пейте и пойдем.

Я сняла перчатки и кинула на столешницу. А затем с опаской взяла бокал и отхлебнула. Напиток был немногим лучше «цветочного сбора», который пьет крестный. Но послевкусие от него приятное – с нотками цитрусовой цедры, имбирной горчинкой и медовой сладостью.

– Можно посмотреть? – я указала пальчиком на брошенный рядом с моими перчатками кожаный кошель.

– Никогда не видели валюту волшебного сообщества? – понимающе хмыкнул Брендан и высыпал на стол разноцветные монетки.

– У учеников в ходу именные жезлы, соединенные с банковским счетом... – начала оправдываться я.

– Вот, это кнолль, – он придвинул ко мне крошечный медный кругляш. – Один бокал «Эстер-Броула» стоит три кнолля. Это недорого. Вот этот, серебряный, – таврос. За пару тавросов можно снять комнату на ночь на втором этаже. Золотой...

– Голден-хаз, я догадалась, – я покрутила в пальцах красивую монетку, украшенную звездами и незнакомой вязью.

– Они в ходу на местном базаре. Ни один уважающий себя торговец не продаст кровь дракона меньше, чем за десяток голден-хазов.

– За флакон?!

Надеюсь, я не слишком сильно выпучила глаза. Не хотелось напугать храброго воина раньше времени.

– За каплю, – рассмеялся парень, довольный моим изумленным столбняком. – Самые дорогие товары – магические.

Брендан уставился в окно, размеренно потягивая свой «Эстер-Броул». Я же принялась рассматривать его совершенно мальчишеское лицо, хоть и испещренное тонкими шрамами. Чуть припухшие щеки, игривая ямочка на подбородке, легкая дразнящая небритость, смеющиеся серые глаза... Если бы мое сердце не было занято столь безнадежным образом... Да, этот парень определенно стоил того, чтобы в него влюбиться. Крестный не так уж плох в своих затеях, если вдуматься.

– В нашем с вами мире, мисс Дэлориан, валютой считается практически все, – вдруг с улыбкой пояснил воин, развернувшись ко мне. – Услуги опытных магов. Добровольно отданная кровь невинных дев. Ценные ингредиенты для зелий, яйца диковинных животных... В банке принимают любой магический товар.

Вспомнилось, как в двенадцать лет я с крестным попала на шумный базар, в толчею магов. Наверное, это и был главный рынок Эстер-Хаза. После ритуала соединения с именным жезлом Артур перенес нас в банк. Он оставил меня на стульчике в фойе, а сам отправился пополнять счет моей новоприобретенной палочки.

Пока крестный спорил с каким-то мохнатым парнем за стойкой регистрации (я особо не разглядела, но подозреваю, тот тоже был морфом), я лицезрела фантастическую картину.

Куцая, горбоносая ведьма в серо-зеленом тряпье и с лет сто не чесанными волосами несла перед собой корзину. Вид у нее был довольный, горделивый прямо-таки. Подойдя к служителю банка, она принялась выуживать из корзины забавные черные перья, по виду страусиные, только с опасными серебристыми кончиками, слипшимися в острые клинки.

– Ох, мадам Гризиэль! – подобострастно зашуршал кто-то низенький за прилавком. – Перья саблехвоста! Ну надо же... Надо же... Какая редкость...

Тут же перед ведьмой появились магические весы. Едва дама сложила товар на чашу, как те с мелодичным звоном огласили приличную сумму. Служитель банка зачислил гостье на именную счет порядка двух сотен золотых! И с почтением трепетом убрал пернатый букет в огромный сейф за своей спиной.

– Погодите! – вдруг подскочила я. – То есть, если я приду в банк и добровольно вылью им на магические весы немного своей крови...

Брендан удивленно уставился на меня. Прямо с большой буквы Удивленно. Изумила его явно не моя фантазия на тему банковских весов.

– С вами я этот вопрос обсуждать тоже не готова, – тихо пробурчала я и сделала шумный глоток.

– Тоже? – с интересом хмыкнул Брендан. – Да, я думаю, за пузырек невинной, добровольно отданной крови, вы сможете выручить... Кхм... Примерно пятнадцать голден-хазов.

– С ума сойти! – икнула я. – А сколько стоит проход в библиотеку при Заповеднике?

Не хотелось быть слишком обязанной храброму воину. В конце концов, немного крови мне совсем не жалко... Ради хорошего дела.

– Для нас с вами – бесплатно. Всем прочим – три тавроса. Если вы согрелись, можем начать с экскурсии. Я бы не отказался проведать семейство камнехвостов.

– Полагаете, избивший вас зверек успел соскучиться? – хихикнула я и поставила пустой бокал на стол. – Если вы не торопитесь, то я согласна.

Благодаря адскому напитку холод перестал пробираться под кожу и вымораживать кровь. Даже опускающиеся в медленном вальсе снежинки больше не беспокоили нос и щеки.

Эстер-Хаз был пронизан телепортационными коридорами, как швейцарский сыр. Поэтому от кафе мы переместились напрямик к кованым воротам из черного металла, мрачным ажуром выступающим из темноты.

– Главный Магический Заповедник волшебного сообщества, основанный шесть сотен лет назад при Румынских Дебрях главой попечительского совета Эстер-Хаза, – с нотками пафоса в хриплом баритоне провозгласил Брендан.

Он явно гордился местом прежней работы и рад был вернуться.

– Заповедник такой... древний?

– В Румынии маги основали свою первую общину. Здесь самый сильный магический фон на планете, – пояснил провожатый и стукнул жезлом по воротам. Те бесшумно поддались, запуская нас в темноту. – Заповедник в эти часы уже закрыт для посещения, но у меня сохранился пропуск.

Господин Хайв заговорщически подмигнул, и я последовала за ним, аккуратно ступая по притоптанному снегу. В этой части Эстер-Хаз напоминал альпийскую деревеньку. Небольшие деревянные постройки в стиле шале, уютившиеся на склонах справа и слева. Грубо сбитые лавки вдоль центральной улочки. Парящие в зачарованном танце волшебные фонари и всепоглощающий, непередаваемо вкусный запах хвойного леса.

– А где... существа?

– Дальше... Много дальше, – мужчина кивнул вперед, в сторону гор, величественно отсвечивающих своими вершинами. – Здесь административный комплекс, библиотека, дома сотрудников, штаб Службы отлова волшебных тварей. Вольеры для магической адаптации «новичков». Мы заглянули в Заповедник с «черного хода».

– Думаете, ваши друзья-камнехвосты еще не прошли адаптацию? – понимающие улыбнулась я, вспомнив роскошный синяк на пояснице воина.

– Это небыстрый процесс... Некоторых животных и за год не удастся приучить к новому месту.

– Зачем их вообще отлавливать? Дебри закрыты от людей! – возмутилась я.

– Мы забираем лишь тех, кто нарушает границы защищенной территории. Представляет опасность для обоих миров – волшебного и человеческого. А порой... просто помогаем выжить. Вот как этой девочке.

Мы как раз подошли к круглому вольеру, по площади – не больше первого этажа Пункта Связи. Внутри были хаотично навалены какие-то ветки, тряпки, бревна, камни... На первый взгляд чье-то неопрятное жилище выглядело необитаемым. Но вдруг из темной глубины на меня сверкнули синие глаза. До боли знакомые.

Я вздрогнула. Оно зарычало.

– Тихе, тихе, Сажелька... – прохрипел Брендан и в успокаивающем жесте погладил прутья клетки.

Оно зарычало громче, надрывнее... и как будто с упреком.

– Тихо, девочка! – скомандовал воин резче.

Но «девочка» только фыркнула на его попытку выдать себя за главного, вынырнула из темноты и упрямо тряхнула головой.

– О господи... – теперь уже и я хрипела не своим голосом.

– Вовсе нет. Просто маленькая саблезубая тигрица, – негромко рассмеялся парень и присел на корточки. – Подойди, Сажель. Не пугай гостью.

Тигрица – крошечная по меркам нападавшей в Академии зверюги – надменно глянула на меня и еще разок для приличия фыркнула. Размером с хорошо откормленную рысь, с сапфирово-синими глазищами и черно-белыми полосками на холеной мордочке, она выглядела странно. Была в ней какая-то неуловимая неправильность. Неприметный изъян. И вдруг я поняла...

– А где клыки?!

Без серповидных «бивней» животное выглядело, как некрупный тигр-альбинос. Совершенно обычный. Не волшебный даже.

– Браконьеры... «Разорили гнездо». Забрали ее отца и мать, сожгли полсектора леса, чтобы замести следы. Скорее всего, вывезли в частную коллекцию. А девчонку бросили в чаще на откуп местному зверью. Без клыков она не могла за себя постоять. Совсем несмышлениш, ничему не обучена... К тому же с клыками тело лишается и части защитной магии.

– П-почему... – я сглотнула комок в горле.

– Почему не взяли и малышку? Не рискнули связываться с тигренком. Чем меньше возраст украденной твари, тем больше штраф. Так что они забрали только клыки. Это большая ценность в нашем мире.

– Но она выжила...

– Как видите, – кивнул Брендан. – Правда, одичала совсем.

Тигрица медленно приблизилась и принялась с интересом меня разглядывать. Взгляд у нее был и впрямь затравленный. Дикий.

– Она отбивалась от браконьеров, на холке есть пара шрамов, – продолжал рассказывать парень. – Когда мы ее нашли, девчонка забилась в пещерку за валуном и никого к себе не подпускала.

Брендан еще что-то говорил, а я все думала – не могла ли Белинда быть тем самым «браконьером»? Она призналась, что раньше работала в службе отлова. И где-то же раздобыла две крупные особи... Вряд ли законно.

Сомневаюсь, что она провернула это сама. Нашла сообщников, связалась с теми, против кого раньше воевала... Но едва ли посвятила их в «убийственный» план. Не удивлюсь, если клыки юной тигрицы пошли на оплату их услуг.

Могла ли Белинда бросить беззащитного тигренка умирать в лесу, отобрав у него единственное средство самозащиты?

О да, госпожа Боулз могла... Ради общего блага. Ради мира во всем мире.

И ради Артура, конечно, – он ведь слеп и совершает глупые ошибки. Смеет любить «опасную девочку». Защищает ценой предательства... Ценой целого дьявольского мира.

Я поморщилась и обиженно хлюпнула. Тигрица удивленно подняла глаза. А потом перевела взгляд на Брендана. Осмысленный, заинтересованный и как будто виноватый.

– Это она вас так отделала?

– Вы были правы насчет мелкой лапы, – кивнул Брендан. – Маленькая дикарка.

– Просто она замерзла, – погрузившись в свои мысли, пробормотала я. – Некому было ее согреть.

– С такой-то шкурой? – бравый воин недоверчиво мотнул кудряшками.

– А кто дал ей имя?

Тигрица ткнула носом в проем между прутьями и шумно втянула воздух, «пробуя на вкус» мой запах. Задумчиво сверкнула сапфирами. И вдруг прикрыла глаза. Нестерпимо захотелось ее погладить, утешить, но не было уверенности, что хитрая зверюга не оттяпает мне ладошку.

– Я дал... Животное тут под мою ответственность. Совет попечителей собирался отправить Сажель в Индию, но условия в закрытом магическом парке в Ладакхе отвратительны. А для местных обитателей кошка слишком опасна... И мало шансов, что мы найдем с ней общий язык.

– Что значит «сажель»?

Парень рассмеялся столь шумно, что и я, и тигрица поглядели на него с укором. Кажется, мы обе готовы были его попробовать на зуб.

– Дестинка... – приговором прозвучало из ухмыляющихся губ. – Ладно вам, не дуйтесь! Раньше в ходу была такая монетка из белого металла – сажель. Но десяток лет назад ее вывели из оборота, за ненадобностью. Оказалась лишней.

– Мелочь? Вроде русской копейки?

– Не скажите... Сажель оценивалась в восемь тавросов. Немногим меньше голден-хаза... Эй, мисс! Вы что творите?! – Брендан резко оторвал мою руку от прутьев клетки. – Не суйте пальчики!

– Простите, задумалась.

– Сажель – не пушистая кошечка, мисс Дэлориан. Саблезубых тигриц приручить невозможно! – парень негодуяще раздувал заросшие щетиной щеки.

– Просто никто не пытался... – оправдалась я, но по лицу воина было понятно, что в проводника он наигрался и уже жалеет, что ввязался в нашу авантюру.

– К камнехвостам я пойду один! – назидательно тыкнул в меня пальцем Брендан и сурово сдвинул брови. – А вы топайте в свою библиотеку. Видите серое здание с колоннами? Вперед! Давайте, давайте, шагайте...

Я не выдержала и рассмеялась: строгость никак не сочеталась с его мальчишеским лицом. А затем послушно потопала по направлению к библиотеке, лишь слегка жалея, что меня отказались знакомить с камнехвостами. Памятуя о сувенире, который они оставили на спине бравого воина, – не больно-то и хотелось.

В библиотеке было темно, тихо и как-то подозрительно свежо. Казалось, морозный воздух Эстер-Хаза и сюда умудрился просочиться. В парадном коридоре было пусто, но все двери предусмотрительно открыты. Будто меня ждали и приглашали прогуляться.

Подгоняемая потоками ветра, я нырнула под высокие своды. Что-то впереди шуршало, шелестело, охало... От центрального коридора ответвлялись темные змейки-дорожки, уставленные стеллажами. Над арками черных проемов красовались названия отделов: «Магическая археология», «Волшебные птицы Китайской равнины Хао Шу», «Вымершие реликвии времен Великих даров», «Водоплавающие твари», «Теоретическое драконоведение», «Эльфийское наследие»... И как тут разобраться?! Где раздел «Странные волшебные икринки размером с арбуз»?

Один из проходов выглядел особенно темным и жутким, будто на стеллажах вместо книг клубилась чернота. И именно в него меня вдруг подтолкнуло чутье. Словно магнитом притягивали мерцающие вдали корешки. Я подняла глаза на табличку. Она тоже была потертой, облупленной, явно старше прочих.

«Основатели Заповедника и почетные граждане Эстер-Хаза» – гласила когда-то позолоченная вязь. Ясно, местная знать... Под табличкой раскинула сети роскошная паутина, припорошенная пылью. Нет, популярностью этот раздел точно не пользовался. Так что же меня туда так манило? Я почти нырнула под арку, но позади раздалось неодобрительное «Кхе-кхе».

– Гостье нужна помощь? – «кхе-кхе» смотрительница не ограничилась и теперь сверлила меня янтарными глазками.

– Н-нужна... – запнулась я, потому что таких библиотекарей я еще не встречала.

Хотя... Нет, даже в этой даме, при всей ее необычности, просматривались неуловимые черты нашей госпожи Разиной. Да-да, прямо за зелеными кустистыми бровями, за острыми ушками, за изумрудной морщинистой кожей и за волосами, напоминающими пучок жеванной соломы, – все равно угадывались. Библиотекарьши всех рас и мастей одинаковы. О чем свидетельствовало заранее недовольное личико незнакомой мне гоблинши.

Заостренные кончики зеленых ушей, торчащие из-под «соломы», особенно меня заинтересовали. Еле удержалась, чтобы не провести по ним пальчиком. Уверена, эти локаторы спо-

собны уловить любой маломальский шум. Вот интересно, в нее тоже встроена функция мгновенной телепортации к нарушителю порядка, как в нашу Разину?

Гоблинша притопнула и неодобрительно глянула на мои сапожки на каблуках, которые не только цокали по каменному полу, но и оставляли под собой красноречивые лужицы. Сама она была босиком. Я икнула и захлопала глазами. В целом, ноги как ноги... Разве что чуток зеленее и волосатее обычных.

– Мисс Мэми Трейс, – плотным, густым голосом представилась библиотекарьша.

Она еще и мисс. Хотя... чего я удивляюсь?

Мисс Мэми Трейс доходила мне до пупка и была упакована в серое платье с меховым лифом и плиссированной юбкой до мохнатых колен. Почти уверена, что это писк гоблинской моды. Потому что носила библиотекарьша свой наряд явно с гордостью, а на платье Присс поглядывала с выражением превосходства на зеленой мордашке. Непременно передам «азнайка», что гоблины такое не носят.

– Ну и кого с собой этот доходяга приташил? – хлопнула длинными зелеными ресницами мисс Мэми Трейс. – Сам-то небось к своим камне-гадам побежал? Третий вольер в щепки разносят...

– Д-доходяга? – не опознав в этом прозвище бравого воина, я почесала затылок.

– Хайв, негодник. Что ни день, то весь исцарапанный. А то и поджаренный! Дождется, что его Пречистая приберет... Чего гостя изволит почитать, пока жених снова со смертью играет?

– Он не жених...

Во-всяком случае, пока крестный не обзавелся в мозгах новой «гениальной идеей» за моей спиной обстригать магическую помолвку. А я не решила поскорее осиротеть за его счет.

Вдоволь насмотревшись на меня как на диво-дивное, гоблинша двинулась по центральному коридору в сторону круглой регистрационной залы. Ее освещали мягким голубым светом волшебные фонари, стройным хороводом кружившиеся под потолком.

– Я ищу сведения о существах, которые вылупляются из... – И как бы поделикатнее описать «домик» проблемного товарища? – Из круглых бордово-голубых яиц, крайне чувствительных к увлажнению... И чем-то похожих на икринки. Вот такого размера.

Для наглядности я изобразила руками, будто обнимаю приличный такой арбуз.

– И где же ты про эту невидаль слышала? – застопорилась в проеме гоблинша, и я чуть не сшибла коренастую провожатую с ног. – Аккуратнее!

– Дед... рассказывал. Он любил путешествовать, – на ходу выдумала я. – И видел нечто подобное...

– Сколько же лет твоему деду, дитя? – вскинула кустистые брови необычная мадам. То есть мисс. – Ихтиоподы вымерли триста-четырееста лет назад...

– Кто-кто? – поперхнулась я. – Когда-когда?

– Где-где? – хитро прищурилась гоблинша в ответ. – Имею в виду, где дед видел такую редкость? Уж не в Индийском ли Материяведческом Музее?

– Там, наверное...

– Эх! – вдруг грустно выдохнула библиотекарьша. – А я собиралась этим летом поехать с экскурсией. Но после прошлогоднего вопиющего случая его закрыли. Якобы на «реставрацию»... Давно дед-то был?

– Да прилично уж, – окончательно завралась я, строя честные глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.